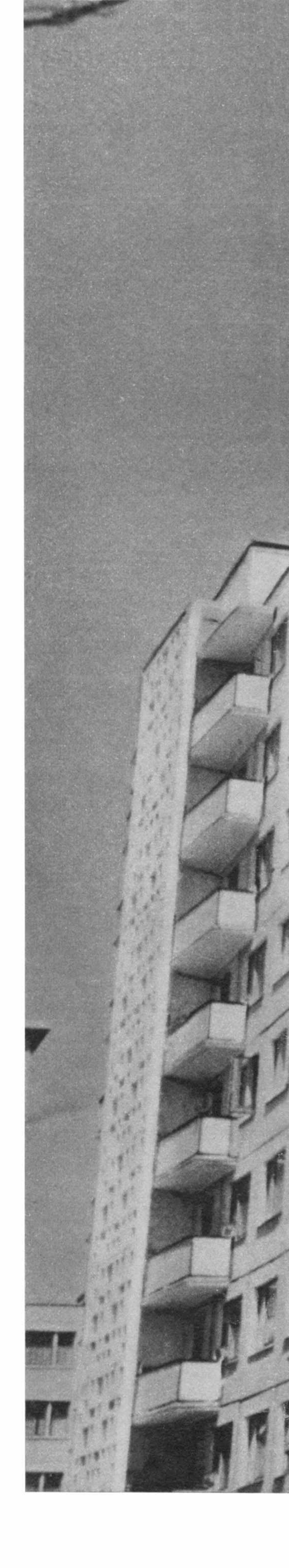

ОГОНЁК

№ 23 ИЮНЬ 1971

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

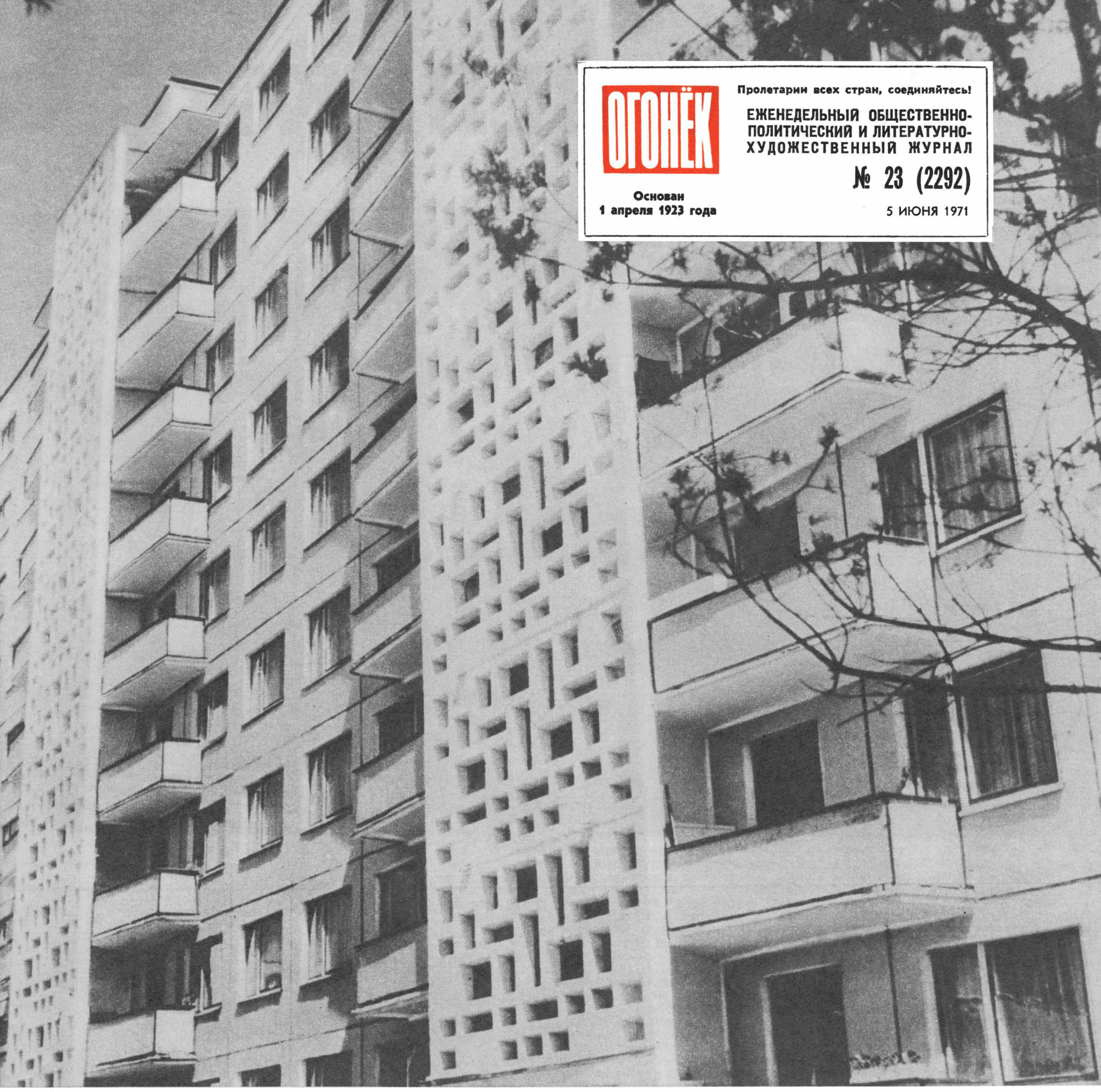
Руководитель творческой мастерской № 5 «Моспроекта-1» В. Л. Воскресенский, архитектор Н. Д. Силаева, заместитель руководителя мастерской С. Д. Юсин. Во втором ряду — главный архитектор проекта Т. Н. Дроздова и главный инженер проекта О. А. Яценко. Здесь рождаются проекты новых жилых массивов: Чертаново, Волхонка — ЗИЛ, центр Москворецкого района, Бирюлево-Западное,— создаются новые архитектурные ансамбли в старых районах Москвы.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

«УЛУЧШАТЬ ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ПОВЫШЕНИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА ЖИЛЫХ ДОМОВ».

Из Директив XXIV съезда КПСС по новому пятилетнему плану.

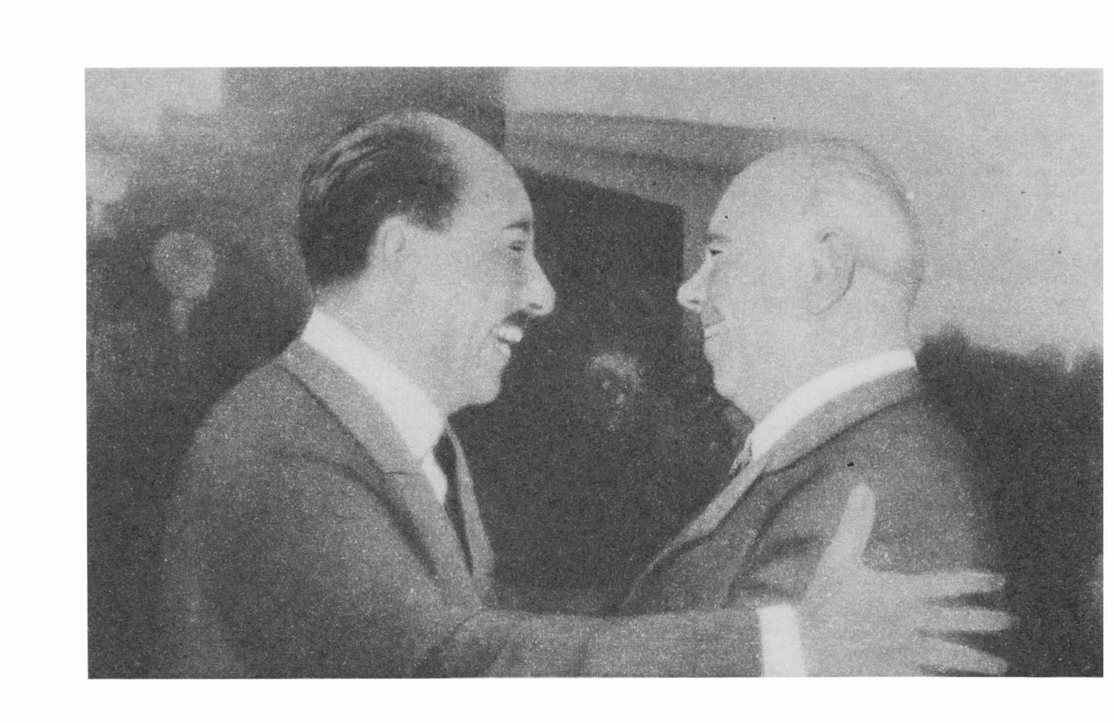
Такие 9-этажные дома строят в Вильнюсе.

ЛИ ТЫ — НОВОСЕЛ...

Продолжение см. на стр. 20—21.

ЗВЕНО ВЕЛИКОГО С

ДРУЖБА И ВЗАИМОПОНИМАНИЕ

ОЮЗА

В Праге закончил свою работу XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии, продолжавшийся пять дней.

Председатель заключительного заседания съезда тов. Г. Гусак поблагодарил делегатов за их работу и выразил уверенность в том, что они не пожалеют сил для выполнения решений съезда.

Съезд пришел к выводу, что нет необходимости вносить существенные изменения в Устав КПЧ. Надо внести только некоторые поправки, вытекающие из опыта последних лет. В частности, вводится пост Генерального секретаря ЦК КПЧ, срок полномочий ЦК партии с четырех лет увеличивается до пяти лет, восстанавливается двухлетний кандидатский стаж для вступающих в партию и т. д.

Съезд избрал Центральный Комитет, а также Центральную контрольно-ревизионную комиссию.

Тов. Густав Гусак объявил результаты выборов руководящих органов партии. Генеральным секретарем ЦК КПЧ на состоявшемся перед этим пленуме ЦК единодушно избран Г. Гусак.

Делегаты единогласно приняли резолюцию XIV съезда КПЧ и директивы по пятому пятилетнему плану.

В заключительной речи Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак отметил, что XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии стал незабываемой демонстрацией идей пролетарского интернационализма. Он подтвердил безоговорочную принадлежность Чехословакии к социалистическому лагерю, к международному коммунистическому и рабочему движению.

Высокая оценка роли чехословацких коммунистов, трудящихся Чехословакии в борьбе за торжество идей социализма была дана в выступлении на XIV съезде Коммунистической партии Чехословакии главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Его слова: «Чехословацкая Социалистическая Республика предстает сегодня перед всем миром как прочное звено великого союза народов, строящих новую жизнь, и никому никогда не удастся вырвать Чехословакию из социалистического лагеря, нарушить наше братство и дружбу» — были встречены бурными, продолжительными аплодисментами.

Товарищ Л. И. Брежнев передал в Президиум приветствие ЦК КПСС XIV съезду КПЧ.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев передал в дар XIV съезду КПЧ картину советского художника Николая Овечкина с изображением В. И. Ленина на улице Праги в дни исторической Пражской конференции русских большевиков в 1912 году.

На снимке: Г. Гусак, Л. И. Брежнев, Л. Свобода в президиуме во время закрытия XIV съезда КПЧ.

Фото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.

С 25 по 28 мая 1971 года по приглашению Президента Объединенной Арабской Республики, Председателя Арабского социалистического союза Анвара Садата в Каире находился с неофициальным дружественным визитом член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный.

Н. В. Подгорного сопровождали секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев; член ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко; член ЦК КПСС, заместитель министра обороны СССР И. Г. Павловский, посол СССР в ОАР В. М. Виноградов и другие официальные лица.

В ходе переговоров, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, характерной для отношений между обеими странами, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, касающихся дальнейшего развития отношений между Советским Союзом и ОАР, а также по актуальным проблемам современного международного положения и положения на Ближнем Востоке.

В Каире, во дворце Кубба, состоялось подписание советско-египетских документов.

Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Объединенной Арабской Республикой подписали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент Объединенной Арабской Республики Анвар Садат.

Было подписано совместное коммюнике о визите в Объединенную Арабскую Республику Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного.

На снимке: Анвар Садат и Н. В. Подгорный во время встречи в Каирском аэропорту.

Телефото ТАСС.

СОЦИАЛИЗМ НА МАРШЕ

Алексей ЛУКОВЕЦ

Нынешний год насыщен большими историческими событиями в общественно-политической жизни стран социалистического содружества. Важнейшие из них — съезды братских коммунистических и рабочих партий. Весь мир находится под впечатлением XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза, который вооружил советских коммунистов, весь советский народ четким, научно обоснованным ленинским курсом по вопросам экономического и культурного строительства в стране, по проблемам внешней политики на предстоящий период. Широкое внимание мировой общественности привлек проходивший в конце апреля X съезд Болгарской коммунистической партии. Только что состоялся XIV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Впереди очередные съезды Монгольской народно-революционной партии, Социалистической единой партии Германии, Польской объединенной рабочей партии.

Каждый съезд братской партии входит крупной вехой в летопись мирового социалистического содружества, международного коммунистического движения. На коммунистических форумах в социалистических странах подводятся итоги великих революционных свершений по строительству нового общественного строя, итоги созидательного труда по претворению в жизнь коммунистических идеалов. Советский Союз, другие страны социализма одерживают победу за победой, мощь социалистической системы постоянно крепнет, ее успехи вызывают восхищение всего прогрессивного мира. Социализм оказывает все возрастающее влияние на ход мирового развития.

XIV съезд КПЧ занимает особое место как в жизни чехословацких коммунистов и чехословацких трудящихся, так и в жизни всего нашего социалистического содружества, всего мирового коммунистического движения. Его значимость определяется тем, что он завершает очень серьезный и ответственный этап в истории социалистической Чехословакии. Это съезд победы над врагами социализма в ЧССР, съезд торжества социализма. Он показал, что партия чехословацких коммунистов, сплачивая вокруг себя миллионы трудящихся, пришла к своему XIV съезду сплоченной идейно и организационно, высоко неся знамя марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма.

Съезд определил программу дальнейшего всестороннего развития экономики и культуры, повышения материального благосостояния трудящихся. «Задачи дальнейшего развития нашего социалистического общества на предстоящий период сложны, но они реальны,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПЧ тов. Г. Гусак.— Выполнение стоящих перед нами задач предполагает и требует от нас творческого марксистско-ленинского мышления и соответствующих действий, борьбы за новый, более высокий уровень работы на всех направлениях. И в этом немеркнущим примером служит для нас XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза».

Мир социализма сегодня — это еще молодой, растущий социальный организм. Он развивается через борьбу нового со старым, через разрешение внутренних противоречий. Наши недруги из стана империалистической реакции пытаются это использовать. Они не гнушаются никакими средствами, чтобы подорвать позиции социализма, используют лживые трюки, клевету и провокации, чтобы посеять семена раздора между социалистическими странами, вбить клин в их отношения, разрушить их братское содружество. Три года назад тень контрреволюционного переворота встала над братской социалистической Чехословакией.

Тщетными оказались расчеты правых, антисоциалистических сил, поддержанных империалистической реакцией. Благодаря стойкости настоящих коммунистов, при братской помощи Советского Союза, других социалистических стран здоровым силам КПЧ удалось сорвать попытку контрреволюционного переворота в стране, разбить антисоциалистические, правооппортунистические и ревизионистские силы, вновь встать на марксистско-ленинский путь. Под руководством коммунистов на решительный бой с противниками социализма встал чехословацкий рабочий класс, который еще раз доказал, что рабочие — самая революционная, дисциплинированная и организованная сила общества.

Делегаты съезда — посланцы всей партии — от имени своего народа выразили сердечную признательность Советскому Союзу, другим братским социалистическим странам за интернациональную помощь в борьбе с классовым противником. В то же время на съезде подчеркивалось, что уроки чехословацких событий имеют значение не только для ЧССР, но и для других социалистических стран, для других коммунистических партий. Они напоминают о необходимости неукоснительно следовать великому ленинскому учению, давать решительный отпор любым попыткам извратить и фальсифицировать его, о необходимости проявлять бдительность в отношении всех форм враждебной деятельности противников социализма.

Съезд чехословацких коммунистов явился демонстрацией пролетарского интернационализма, нерушимой советско-чехословацкой дружбы. В нем приняли участие представители 77 коммунистических и революционно-демократических партий. Тепло, по-братски принимала трудовая Прага делегацию Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Л. И. Брежневым. Его выступления на съезде и на заводе «Авто-Прага» встречены чехословацкими коммунистами, всеми трудящимися страны горячим одобрением. Эти выступления вызвали широкий международный резонанс.

Социалистическое содружество идет вперед уверенной поступью. Выполнение решений, намечаемых съездами братских партий, еще больше укрепляет мощь социализма, еще выше поднимает его авторитет на международной арене.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

П. П. Лукьяненко со своей пшеницей. Фото Л. Шерстенникова.

ЛУКЬЯНЕНКО

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Есть на Кубани в станице Ивановской ничем не приметная хата. Низкая крыша. Три тополя... Седой человек в сетчатой шляпе говорит: — Дом отца. Здесь прошло детство. Потом реальное училище... В двадцатом году дом продали. Но я рад, что он сохранился...

Пришло семидесятилетие, но дорога домой не забывается. И дорога эта, и постаревшие, но еще такие зеленые тополя, и низенький дом — все говорит о том, как давно было начало, как изменился вокруг мир и степь, и люди в степи. Это очень нужно человеку — возвращаться иногда к отцовскому дому, в страну детских грез и дерзких планов.

Да, академику Павлу Пантелеймоновичу Лукьяненко 70 лет. Вся страна отмечает эту славную дату, потому что вся страна знает, кто такой Лукьяненко. Всюду, где сеют озимую пшеницу, знают, что он автор сорта «безостая-1». Сейчас его пшеницы занимают у нас в стране семь миллионов гектаров. Более трех миллионов гектаров занимают его сорта за пределами нашей Родины. Так как же счастлив должен быть этот человек, давший людям НОВЫЙ хлеб! И как же благодарны должны быть люди ему, творцу НОВОГО хлеба!..

П. П. Лукьяненко — дважды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий, депутат Верховного Совета СССР. Он был избран делегатом XXIV съезда КПСС. Коммунист Лукьяненко — почетный член академий многих стран, а его поля на окраине Краснодара — место паломничества селекционеров, говорящих на самых разных языках.

Специальный корреспондент «Огонька» Николай БЫКОВ попросил рассказать о Лукьяненко и его работах ректора Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, доктора сельскохозяйственных наук, профессора ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ВАВИЛОВА.

* * *

— Слов нет, семидесятилетие ученого — славная дата. Но, по-моему, важно отметить и то, что вот уже 50 лет селекционер в творческом пути. Полвека настойчивого изучения зеленого мира, полвека удивительного поиска!.. Помните сцену у Джонатана Свифта: Гулливера познакомили с ученым, который созерцал огурец в склянке и пытался извлечь из него солнечный свет?.. «Чудаков», ломающих голову над проблемой таинственного превращения солнечной энергии в земные плоды, с тех давних пор не убавилось. Напротив, человечество сегодня все настойчивее проникает в святая святых природы. Мы научились выращивать два и три колоса там, где рос один. Павел Пантелеймонович Лукьяненко развивает идеи великих русских ученых К. А. Тимирязева, Н. И. Вавилова, Д. И. Прянишникова. Выдающийся селекционер современности, он, по существу, создал новое пшеничное растение.

Мы, растениеводы, все агрономы и полеводы всегда с большой заинтересованностью следили за новинками селекции, в частности, за его работами. Почему? Да потому, что в арсенале агрономов, хозяев колхозных и совхозных полей, среди таких определяющих мощь урожая средств, как удобрения, орошение, высокая агрокультура, есть и еще одно, пожалуй, главнейшее — сорт. Когда совсем молодой Лукьяненко только начинал работать, на южных полях России сеяли пшеницу с очень низкой урожайностью, ее сильно поражали болезни, особенно ржавчина. Замечательно, что уже тогда молодой селекционер понял нужду агрономов в новых сортах. Он задолго до сегодняшних успехов предугадал главное направление в селекции — создание сортов так называемого интенсивного типа, то есть способных чрезвычайно благодарно реагировать на современнейшие приемы агротехники, на удобрения и орошение. Прежнее пшеничное растение, получая нынешние дозы удобрений и дополнительной влаги, просто-напросто не выдержало бы, полегло под собственной тяжестью. Сорта П. П. Лукьяненко, я бы сказал, шедевры селекционного искусства. А его «безостая-1»! В таких странах, как Югославия, Болгария, Чехословакия, урожайность пшеницы возросла вдвое только благодаря сорту нашего селекционера.

Павел Пантелеймонович, отдавший полвека жизни делу селекции, сегодня переживает огромный творческий подъем. Он идет дальше по пути улучшения полученных сортов. Только что районированы «Аврора» и «Кавказ». И они лучше, чем «безостая-1». А на подходе такие многообещающие сорта, как «загадка», «надежная», «степная-40», «безостая-2», «лютесценс-39»... Каковы качества этих пшениц? Зимостойкость и устойчивость против болезней прежде всего. А ведь благоприобретенное качество зимостойкости позволит намного увеличить посевные площади под пшеницей, двинуть ее еще дальше на север. Важно ли это? Конечно. Достаточно привести такой пример. Ко дню юбилея подсчитано, что только за счет высева «безостой-1» сортовая прибавка дает нашей стране ежегодно хлеба почти столько, сколько его дает вся Кубань! То есть плюс более трех миллионов тонн зерна. Справедливо говорят, что селекционер как бы подарил Родине вторую Кубань. Вот что такое Лукьяненко!

Я как ректор Тимирязевки, единственного в своем роде учебного заведения, не могу не сказать о великом педагогическом примере, который являет собою вся жизнь Павла Пантелеймоновича, его творческий подвиг. Из года в год наша академия посылает в Краснодар, к Лукьяненко, студентов. Практика под руководством выдающегося селекционера — школа, значение которой нельзя переоценить. Лукьяненко-ученый талантлив и как педагог. У него немало учеников, а ученик — это больше, чем просто последователь! Ученик хранит традиции святой неудовлетворенности, развивает идеи, двигает дело дальше. Мы, тимирязевцы, гордимся, что среди учеников Павла Пантелеймоновича есть и наши выпускники, среди которых весьма способный молодой селекционер Юрий Михайлович Пучков. В приветственном адресе по случаю знаменательной даты коллектив Тимирязевки поблагодарил Лукьяненко, в частности, за то, что московские студенты получали и получают у него первоклассную закалку. В его лаборатории будущие ваятели новых растений получают возможность овладеть современным методом селекции озимой пшеницы, главнейшей хлебной культуры. Сама жизнь Павла Пантелеймоновича — наглядный урок того, как важны для селекционера верность одному полю, одной культуре, как важны в деле служения народу целеустремленность, последовательность, страсть в достижении цели.

А как поучительна связь академика с производством, его неизменная вера в творческие возможности хлеборобов, его доверие к мастерству таких механизаторов, как знаменитый кубанский бригадир Михаил Иванович Клепиков! Что и говорить, для будущих специалистов и ученых уроки Павла Пантелеймоновича очень содержательны. Спасибо ему и за это...

Известно, что Павел Пантелеймонович идет дальше. Мы живем в канун его новых свершений. Ученый широко использовал и использует в своей работе богатый генофонд пшениц мировой коллекции. Новые задачи? Увеличение продуктивности колоса. Создание морозоустойчивых форм. Создание сортов с высоким содержанием протеина и незаменимых аминокислот, то есть пшениц, которых еще не было на земле, которых не могла создать природа. Создание короткостебельных сортов — тоже насущное требование производства. Отвечая ему, ученый вовлекает в скрещивания карликовые формы, полученные им с помощью химических мутагенных веществ, а также короткостебельные формы из мировой коллекции, которую начал собирать незабвенный Николай Иванович Вавилов, в том числе и мексиканские, и японские, и индийские сорта. За последние годы выделена перспективная серия полукарликовых линий озимой пшеницы, превышающей по урожайности исходные формы на двенадцать центнеров зерна с гектара.

Все сказанное ранее свидетельствует о том, что П. П. Лукьяненко, как никто другой, знает нужды производства, ритм его жизни и его задачи. Как никто другой, в области селекции пшеницы он обогатил теорию. И мне кажется, что Павел Пантелеймонович — очень счастливый человек. Я не знаю селекционера более целеустремленного, более удачливого, более плодовитого. Тут мы имеем дело и с незаурядным талантом, и с потрясающей работоспособностью. Все работало на Лукьяненко: природное дарование, глубочайшие знания и способность учиться до седины, интуиция первооткрывателя и, конечно, счастье, удача. В личной его жизни были черные годы, связанные с фашистским нашествием, но все превозмог этот человек. И он победил. Сегодня это ясно каждому, кто хоть раз слышал его имя. Имя конструктора новых пшениц.

НА ПУТИ В ЦАРСТВО АЭЛИТЫ

В СООТВЕТСТВИИ С ПРОГРАММОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ПЛАНЕТ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ 19 МАЯ 1971 ГОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ЗАПУЩЕНА АВТОМАТИЧЕСКАЯ МЕЖПЛАНЕТНАЯ СТАНЦИЯ «МАРС-2»... 28 МАЯ УШЛА В ПОЛЕТ НОВАЯ АВТОМАТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ, «МАРС-3».

СТАНЦИИ ДОСТИГНУТ ОКРЕСТНОСТИ МАРСА ПРИМЕРНО ЧЕРЕЗ ПОЛГОДА, ПРЕОДОЛЕВ РАССТОЯНИЕ ОКОЛО 470 МИЛЛИОНОВ КИЛОМЕТРОВ...

В 1908 году В. И. Ленин писал матери: «Сегодня прочел один забавный фельетон о жителях Марса, по новой английской книге Lowell' я — «Марс и его каналы». Этот Lowell—астроном, долго работавший в специальной обсерватории и, кажется, лучшей в мире (Америка)».

Многие десятилетия не иссякает интерес миллионов людей к загадкам Марса. Что ученые знают об этой планете сейчас?

Рассказывает Ю. П. ПСКОВСКИЙ, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Государственного астрономического института имени П. Штернберга.

Известный астроном Лоуэлл создал крупнейшую по тем временам обсерваторию, на которой впоследствии была открыта планета Плутон. В телескопы обсерватории Лоуэлла марсианские каналы как будто бы были видны. Исходя из этих наблюдений, американский астроном выдвинул техногенную гипотезу о Марсе и марсианах, которую Ильич, как видно, считал «забавной». Эта точка зрения Лоуэлла, несмотря на то, что впоследствии она оказалась несостоятельной, все же была исторически прогрессивной: многие астрономы занялись Марсом, и был собран огромный наблюдательный материал.

Однако чем больше ученые узнавали о Марсе, тем меньше надежд оставалось на то, что там когда-либо существовала жизнь, тем более жизнь разумная. Слишком неуютной оказалась эта планета. Атмосфера ее состоит почти сплошь из углекислого газа. Если кислород и есть, то его там лишь доли процента. Атмосферное давление на поверхности Марса такое же низкое, как в 35 километрах над Землей. Климат очень жесткий: даже на экваторе температура колеблется от +20 до —60 градусов. Это и понятно: Марс находится примерно в полтора раза дальше Земли от Солнца, к тому же там нет даже небольших водоемов (у нас климат смягчают океаны). Вообще на этой планете очень мало воды, даже полярные шапки, вероятно, состоят в основном из «сухого льда» — замерзшей углекислоты.

Я вспоминаю недавнюю международную встречу астрономов, на которой экспонировались крупномасштабные фотографии Марса, сделанные с расстояния в несколько тысяч километров. Эта землеподобная, как мы считали, планета оказалась очень похожей... на Луну. Сотни больших и малых кратеров усеивают ее поверхность.

Сейчас ученые смогли уточнить расстояние до этой планеты, оно оказалось на 150 тысяч километров больше, чем предполагалось по наземным наблюдениям. Диаметр Марса, измеренный по тому, на сколько времени исчез сигнал корабля, залетевшего за красную планету, на 40 километров меньше, чем считалось до того. А масса Марса, рассчитанная из его влияния на путь корабля, примерно в десять раз меньше земной. Так что все предметы на его поверхности будут весить в 2,5 раза легче, чем на Земле. Все это вместе взятое позволяет назвать Марс краснoликим братом Луны.

Еще недавно даже среди астрономов были люди, утверждавшие, что на Марсе есть, либо в прошлом была, высокоорганизованная жизнь. На какие научные факты опираются сторонники таких оптимистических взглядов? Что нового в объяснение загадок Марса внесли космические полеты?

Главный довод оптимистов — сезонные изменения темных областей Марса. С наступлением марсианской весны полярная шапка начинает таять, и от экватора к полюсу в некоторых областях начинается волна потемнения. Первая аналогия, которая приходит в голову: началось цветение марсианских растений. Сторонники разумной жизни полагали, что по каналам, прорытым марсианами, в эти области из полярных шапок перекачивается вода.

Исследования последних лет опровергли это предположение. Каналов, как мы уже отмечали, на Марсе нет. Воды в полярных шапках тоже, вероятно, очень мало. Быть может, небольшие ее запасы есть под почвой? Возможно. Но сомнительно другое: действительно ли мы видим массовое цветение растений? А быть может, «моря» темнеют оттого, что ветры уносят с их поверхности пыль, а скальный грунт под ней более темный? Или, может, почва окрашивается, как-то химически реагируя с марсианскими облаками? Все это предстоит еще проверить. Что же касается разумной жизни, то уже сейчас можно ответить: ее на этой планете нет. На Марсе не обнаружено ни развалин городов, ни каких-либо других следов цивилизации. Так что Аэлиту нам повстречать, увы, не придется.

Теперь о спутниках Марса. У этой планеты имеются две крошечные «луны» — Фобос и Деймос, которые летают очень низко над ее поверхностью. Наблюдать за ними с Земли чрезвычайно трудно. Некоторые расчеты позволили сделать вывод, что Фобос через миллионы лет упадет на Марс. Что тормозит его? — задался вопросом профессор И. С. Шкловский. Если разреженная марсианская атмосфера, то спутник должен быть полым, искусственным, то есть своеобразным памятником марсианской цивилизации. Гипотеза Шкловского привлекла внимание к этой проблеме. Последовал ряд работ у нас и за рубежом. Аспирантка нашего института С. Н. Вашковьяк, опираясь на новейшие данные, доказала, что Фобосу не грозит гибель от столкновения с Марсом. А снимки этой «луны», сделанные с космического корабля, показали, что она походит не на шар, а на картофелину. Так что вряд ли Фобос — рукотворное небесное тело. Итак, пока нет ни одного довода за то, что на Марсе были разумные существа.

13 ИЮНЯ — ДЕНЬ ВЫБОРОВ В ВЕРХОВНЫЕ СОВЕТЫ СОЮЗНЫХ И АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК И В МЕСТНЫЕ СОВЕТЫ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

РАБОЧАЯ ЧЕСТЬ

Проще всего было бы прямо так и спросить: «Как вы стали государственным человеком?» Что бы он ответил? Я представляю, как Иван Васильевич Дюкарев пожал бы плечами и смущенно улыбнулся: «Да как вам сказать...»

И все ж мы коснулись этой темы в разговоре, и Иван Васильевич нашел убедительные слова. И даже не искал их, просто сказал то, что думает. Сказал, что люди судят друг о друге по работе, по честному отношению к делу. И если тебя выдвигают — значит, видят твои такие качества, которые, может, и сам не разглядишь. Кто работает на совесть, ждет от своего труда не награды, не повышения, а всеобщую пользу, тому не стыдно и в глаза людям посмотреть.

— А уж как там дальше выходит, я даже не представляю,— признается Иван Васильевич.— Вот и недавно совсем, когда меня избрали делегатом на XXIV съезд КПСС, все получилось очень неожиданно. За что же, думаю, мне такая честь? А на съезде, смотрю, большинство делегатов такие же, как и я, рабочие люди, и тут очень убедительно я почувствовал, что государство наше — государство трудящихся. Вот и сейчас, когда меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета республики, както и радостно и тревожно стало. Ведь такое доверие! Хватит ли у меня сил, умения, знаний с людьми работать?

Возможно, что позже Иван Васильевич назовет 1971 год одним из самых памятных в своей биографии, потому что вся его жизнь была как бы подготовкой к этим дням. В трудные послевоенные годы Дюкарев пришел в ФЗУ робким деревенским пареньком. Выучился на плотника, пошел в строительную бригаду. От дома к дому, от стройки к стройке Дюкарев набирался опыта, профессиональной сноровки, умения увлечься работой самому и увлечь всех вокруг. Кварталы Черемушек, Коптева, Свиблова и десятка других районов московских новостроек — страницы трудовой биографии этого человека.

Но есть и такие этапы, как вступление в партию, награждение орденом. А главное в его жизни — честность, бескорыстная помощь людям, способность воспитать новичка-строителя настоящим специалистом. Наконец, постоянно, из года в год выполнять свой трудовой долг. Это ли не показатель высокой гражданственности?

...Через несколько дней советские люди отдадут свои голоса за кандидатов в депутаты республиканских и местных органов государственной власти. Среди тех, кого назвали своими кандидатами москвичи, Иван Васильевич Дюкарев, строитель.

Б. СМИРНОВ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Иван Васильевич Дюкарев, бригадир комплексной бригады треста «Мосстрой-18», кандидат в депутаты Верховного Совета РСФСР по Дегунинскому избирательному округу Москвы.

Фото А. Награльяна.

ОБГОНЯЯ ЗВУК

А. ГОЛИКОВ

На письменном столе первого заместителя министра гражданской авиации СССР АЛЕКСЕЯ ИВАНОВИЧА СЕМЕНКОВА — фотография ТУ-104.

— Когда мы получили первые ТУ-104, я возглавлял Управление транспортной авиации. Отличный был лайнер!

— Был? Почему был? Ведь он и сейчас возит пассажиров.

— Конечно! Надежен, скорость хорошая, но это вчерашний день нашей авиации. В новой пятилетке нам предстоит освоить ТУ-144. Он будет перевозить 120 пассажиров со скоростью почти две тысячи пятьсот километров в час. Расстояние от Москвы до Хабаровска преодолеет за три с небольшим часа.

Создание такого самолета — свидетельство высокого уровня развития науки и техники в нашей стране. Конструкторам пришлось решить проблемы аэродинамики, аэроупругости, прочности в их новом качестве — при повышенных температурах. Созданы двигатели большой мощности, электронная автоматическая аппаратура для пилотирования, навигации и посадки. Ясно, что серийное производство сверхзвуковых пассажирских самолетов возможно только при наличии самой современной авиационной промышленности.

— Когда ТУ-144 выполнит первый пассажирский рейс?

— Как известно, испытание сверхзвукового лайнера идет в полном соответствии с программой. Но одно дело — испытательные полеты, другое — регулярные пассажирские рейсы. Когда Аэрофлот получит ТУ-144, он проведет еще свои эксплуатационные испытания. Новый самолет должен налетать многие тысячи километров, прежде чем принять на борт первых пассажиров.

— А будут желающие путешествовать быстрее звука?

— Конечно! Скорость всегда привлекает. Помните, так было и в двадцатых годах, когда открылись первые авиалинии. Я бы назвал тех пассажиров смельчаками! Тогда летали, не имея ни точных данных о погоде на трассе, ни радиосвязи.

ТУ-144 располагает новейшими средствами пилотирования и самолетовождения. Думается, что особый интерес вызовет у пассажиров сверхзвуковой самолет на международных трассах Аэрофлота. Их общая протяженность сейчас более ста пятидесяти тысяч километров. Наши самолеты связывают Советский Союз регулярными рейсами с шестьюдесятью государствами Европы, Азии, Африки и Америки. И вот представьте, пассажир в Лондоне или Париже садится на ТУ-144 и через полтора часа он уже в Москве. Заманчиво! Да и в нашей стране есть дальние трассы, так вот время полета на них сократится почти втрое. Практически из Москвы до самой дальней точки планеты можно будет долететь за 10—12 часов. А удобства? В полете почти полное отсутствие шума и сервис на высшем уровне.

С открытием рейса Аэрофлота из Европы в Японию появились новые возможности для организации воздушной магистрали вокруг земного шара через Москву. Кругосветное путешествие на сверхзвуковых пассажирских лайнерах станет приятным и быстрым — понадобится менее суток!

Возьмите другую сторону, экономическую. Сверхзвуковая пассажирская авиация сулит большие выгоды. ТУ-144 заменит три обычных лайнера, таким образом сократятся эксплуатационные расходы. Но появятся и новые заботы, новые трудности. Известно, когда время поездки между двумя пунктами сокращается, то поток пассажиров увеличивается. А это потребует расширения аэропортов, строительства новых аэровокзалов и более быстрого обслуживания пассажиров. При таких воздушных скоростях уже нельзя будет примириться с «наземными» — нужно уже сейчас думать о том, как быстрее доставить пассажиров в аэропорт и обратно.

В пятилетии Аэрофлоту предстоит перевезти почти полмиллиарда пассажиров. Эту огромную работу вместе с ТУ-144 будут выполнять и новые дозвуковые реактивные самолеты ТУ-154, ТУ-134-А, ИЛ-62-М и ЯК-40-М. В наступившей ныне второй реактивной эре дозвуковые самолеты будут по-прежнему широко применяться.

— А погода влияет на регулярность полетов ТУ-144?

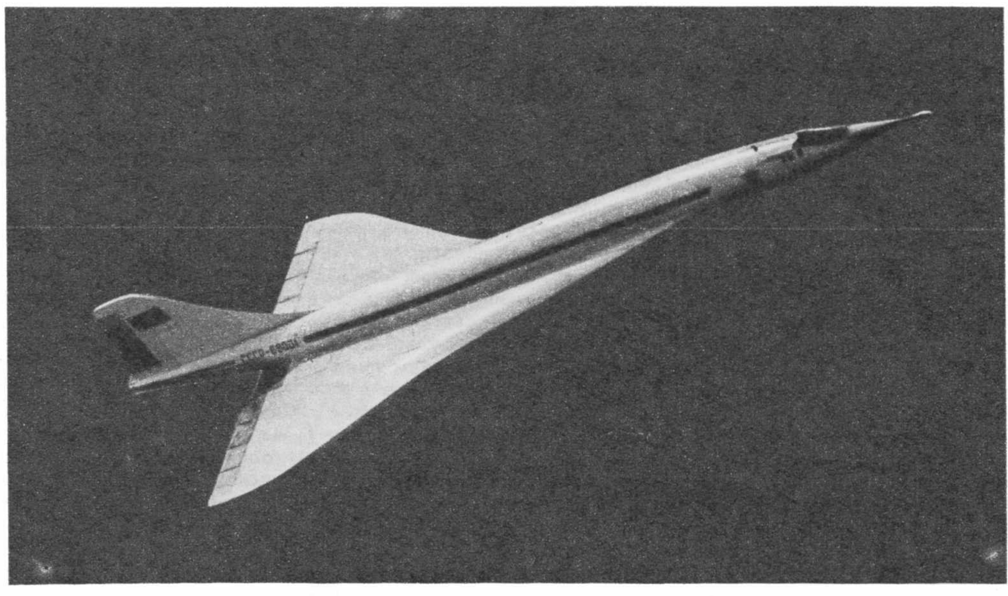
— Не в большей степени, чем на полеты обычных машин. Но в борьбе со стихией намечается значительный прогресс. В ближайшие годы многие наши аэропорты будут реконструированы, оснащены новейшим радио- и светотехническим оборудованием. Это позволит выполнять полет в более сложных метеорологических условиях, с применением автоматизированных систем захода самолета на посадку. Автоматы помогут экипажу и на взлете.

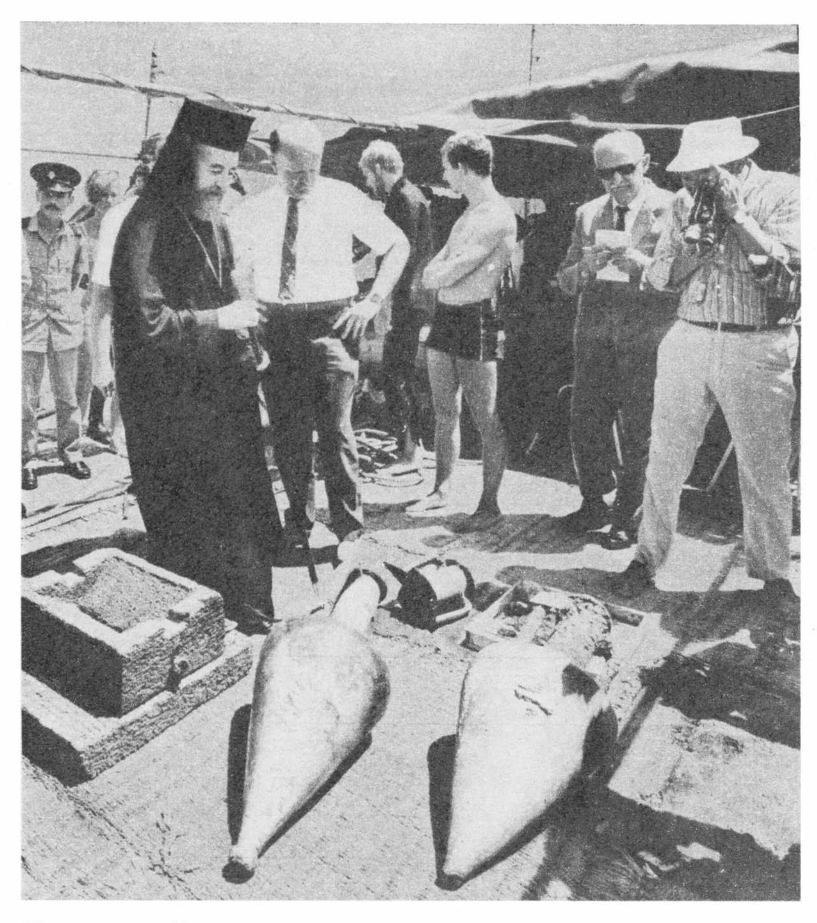
— Советский Аэрофлот,— говорит Алексей Иванович,— по размаху и объему работы нельзя даже сравнить с самыми крупными авиакомпаниями мира. Дело не только в огромном числе пассажиров. Аэрофлот — большая и важная отрасль народного хозяйства. Это тысячи самолетов и аэродромов, научно-исследовательские институты, средние и высшие учебные заведения, которые готовят высококвалифицированных летчиков, техников, инженеров.

На линиях Аэрофлота летают опытнейшие экипажи, на земле работают высококвалифицированные авиаспециалисты, и сверхзвуковые лайнеры поступят в умелые и надежные руки. ТУ-144 станет флагманом нашей гражданской авиации семидесятых годов.

Сверхзвуковой пассажирский самолет ТУ-144.

Фото Е. Умнова.

Президент Макариос осматривает находки археологов.

Фото Департамента общественной информации Кипра.

В КОЛЬЦЕ ВОЛН И ПРОБЛЕМ

Виталий МЕНЬШИКОВ

Часовой издали сделал знак рукой: «Стоп!» Баррикада из железных бочек, выкрашенных в белый цвет, перегородила шоссе, оставив для проезда посредине зигзагообразную щель.

Промелькнула будка с постовым солдатом войск ООН. Впереди нашу машину поджидал турецкий полицейский. В глаза бросилась надпись на фанерном щите: «Фотографировать запрещено!» Только что мы покинули греческий сектор кипрской столицы и, пересекая знаменитую «зеленую линию», въезжали в турецкий.

Так я увидел воочию то, что в штаб-квартире Организации Объединенных Наций на Ист-ривер, в министерских кабинетах и на парламентских трибунах называют кипрским вопросом. Он не сходит с повестки дня на протяжении многих лет.

Как сообщили кипрские газеты, в июне Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций У Тан представит Совету Безопасности очередной доклад о положении на острове. По мнению западных наблюдателей, Совет Безопасности продлит еще на один срок нахождение войск ООН на Кипре.

Искусственное, баррикадное размежевание городов и сел Кипра, существование обособленных анклавов, «зеленая линия», «голубые каски» ООН, постоянная настороженность патрульной службы — все это результат вмешательства сил империализма, международной реакции во внутренние дела республики, следствие непрекращающихся интриг и происков НАТО.

Сам кипрский народ, наиболее дальновидные, реалистически мыслящие государственные и политические деятели республики давно уже разработали единственно приемлемую формулу решения кипрского вопроса. При всей сложности создавшейся ситуации, при всей многослойности накопившихся разногласий и противоречий между греками-киприотами и турками-киприотами эта формула чрезвычайно проста: «Решение кипрского вопроса — чисто внутреннее дело киприотов без всякого вмешательства извне и навязывания Кипру антидемократических, противоречащих воле народа решений». На этот счет сделано немало официальных заявлений ответственными руководителями Республики Кипр, самим президентом Макариосом.

Но такой путь как раз и не устраивает тех, кто вынашивает планы расчленения страны, ликвидации ее государственной целостности и самостоятельности, кто стремится надеть на Кипр хомут натовской службы, закрепить и расширить свое «военное присутствие» на острове, превратить его в «непотопляемый авианосец» 6-го средиземноморского флота США.

Силы внутренней и внешней реакции пытаются навязать народу и правительству Республики Кипр свою, натовскую, формулу решения кипрского вопроса, которую можно сравнить со взрывным механизмом замедленного действия. Предпринимается все для того, чтобы разжечь на острове межнациональную рознь, создать предлог для вмешательства НАТО в дела Кипра.

Нетрудно представить, к чему бы привел успех всех этих темных замыслов: к срыву внутрикипрского диалога, к созданию обстановки, когда легко спровоцировать кровавую междоусобицу, снова толкнуть остров в пучину трагедии.

Вот почему ведущиеся сейчас на Кипре переговоры между представителями греков и турок-киприотов генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) Эзекиас Папаиоанну характеризует как узловую, главную политическую проблему страны.

Товарищ Папаиоанну принял нас, корреспондентов «Правды» и ТАСС, в своем рабочем кабинете. Крепкое, поистине горняцкое рукопожатие — свою трудовую деятельность генеральный секретарь АКЭЛ начинал на рудниках Скуриотисса и Калавасос. Товарищ Папаиоанну и руководимая им партия снискали среди рабочего класса, трудового крестьянства, всех прогрессивных и демократических слоев населения заслуженный авторитет и широкую популярность.

«Наша партия,— говорил с трибуны XXIV съезда КПСС товарищ Папаиоанну,— отдает все свои силы служению Кипру. И мы будем продолжать непримиримую борьбу до тех пор, пока кипрский народ не станет полностью суверенным и сможет сам распоряжаться своей судьбой».

На Кипре нельзя не заметить контрастов, характерных именно для этой страны. Башенные краны многочисленных новостроек — жилых домов, учреждений, плотин — и башни противостоящих друг другу сторожевых постов. Колючая изгородь розовых газонов — и колючая проволока баррикад, разделяющих сектора. На бетонные дорожки Никозийского аэропорта приземляются пассажирские лайнеры, в том числе и наши, советские. А на английских военных базах с ревом взлетают и садятся военные самолеты: «присутствие» британского империализма на земле и в небе Кипра продолжается. Об этом постоянно напоминают рощи радиоантенн, комплексы казарм, аэродромы, где базируются и американские шпионские самолеты «У-2». Над островом постоянно барражируют английские бомбардировщики «вулкан», для которых в ядерных погребах английских баз на территории Кипра припасены атомные бомбы...

Среди многочисленных встреч на Кипре особенно врезались в память те, где речь заходила о нашей стране, о дружбе между нашими народами, о разносторонних связях между Советским Союзом и Республикой Кипр. Владелец фабрики с похвалой отзывался о приобретенном им советском оборудовании. Сельский кооператор удовлетворенно говорил о «крестьянской работоспособности и выносливости» советских тракторов. Специалисты, ведающие вопросами торговли с СССР, подчеркивали возрастающую роль нашей страны в экспорте и импорте Кипра.

В декабре 1971 года исполнится десять лет со дня подписания между Советским Союзом и Кипром первого торгового соглашения, положившего начало быстрому и взаимовыгодному развитию делового сотрудничества и экономических связей между нашей страной и небольшой средиземноморской островной республикой. За этот относительно небольшой срок торговый оборот между Советским Союзом и Кипром увеличился более чем в 9 раз!

Наша страна способствует развивающейся экономике республики, поставляет Кипру станки, полиграфическое оборудование, холодильники, бульдозеры, электромоторы, экскаваторы, грузовые и легковые автомашины. Большим спросом у населения пользуются наши телевизоры, часы, фотоаппаратура.

— Мы торгуем как равноправные партнеры и к взаимной выгоде, советско-кипрские экономические связи имеют хорошие перспективы,— единодушно отмечали в беседах с нами представители государственных органов и деловых кругов Кипра.

С особой теплотой о нашей социалистической Родине отзываются молодые киприоты, получившие высшее образование в советских вузах.

Столетия отделяют нас от тех дней, когда венецианский мавр Отелло поднимал свой штандарт над Фамагустой. Блуждая сегодня по темным сводчатым коридорам и тесным портикам цитадели, той самой, где развертывается действие шекспировской трагедии, я по-новому вслушивался в интонации монологов коварного Яго... Не знаю, читали ли Шекспира агенты реакции, открывшие весной 1970 года огонь из автоматов по вертолету президента Макариоса. Но я уверен, что они досконально изучили соответствующие инструкции своих шефов. На судебных процессах вскрылась самая тесная связь террористических организаций, действующих на Кипре, с теми, кого правосудие осторожно, соблюдая «дипломатический этикет», называло «внешними антидемократическими силами». И эти силы, связанные с агрессивными кругами НАТО, не оставляют в покое Кипр.

«Наш остров — в кольце волн и проблем» — так подвел итог разговора прогрессивный кипрский журналист, когда мы направлялись в «музей кораблекрушений» в Кирении, на северном берегу Кипра.

В одной из башен старинной крепости поставлена многометровая ванна, похожая на те, в которых проявляют фотоснимки. Вдоль стен деревянные мостки для зрителей. На дне ванны, залитой специальным раствором, лежит остов древнегреческого корабля, обнаруженного аквалангистами в одной миле от берега. Судно пролежало в море более двух тысяч лет. Теперь его останки подняты, тщательно изучаются археологами.

В витринах и на стендах музея — древнегреческие амфоры, бронзовая посуда экипажа. Эта редкостная археологическая находка вызвала сенсацию в научных кругах и среди любителей древности. Одну из амфор, поднятых со дна моря, президент Макариос передал в дар ООН.

Неожиданные, а может быть, и закономерные ассоциации возникают именно тогда, когда соприкасаешься с чем-то необычным, небудничным. Но именно там, на мостках «камеры кораблекрушений», мне подумалось, что недруги Республики Кипр не прочь организовать «кораблекрушение» этого государства на рифах североатлантических заговоров.

И все же с какими бы осложнениями еще ни пришлось столкнуться кипрскому народу в его борьбе за укрепление независимости страны, совершенно ясно, что только сплоченность всех антиимпериалистических сил может стать тем прочным волнорезом, о который разобьются происки империалистической реакции.

г. Никозия, июнь, 1971 год.

Известному советскому портретисту, народному художнику РСФСР, лауреату Государственной премии СССР Анатолию Никифоровичу Яр-Кравченко — шестьдесят лет. Более сорока из них отдал замечательный мастер созданию галереи портретов современников.
Великая Отечественная война. Осажденный Ленинград. Блокада. Яр-Кравченко рисует и пишет портреты героев-летчиков, сотрудничает во фронтовых газетах. Более 500 портретов защитников города Ленина навечно запечатлены в восьми альбомах, изданных в годы войны.
Горький, Фадеев, Алексей Толстой, Упит, Паустовский, Светлов, Шолохов, Федин, Корнейчук, Турсун-заде, Хачатурян, Соловьев-Седой, Ливанов... Нет возможности перечислить всех деятелей советской культуры, писателей, образ которых запечатляли карандаш и кисть художника.
Широко известна его картина «Ответственность на вас», где живописцу удалось в сложном, многофигурном, психологическом портрете запечатлеть теплую встречу писателей накануне своего первого съезда.

Георгий **ГУЛИА**

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННИКА

Анатолия Яр-Кравченко я знаю «в жизни» и в самые трудные и радостные часы его — в работе. Впрочем, работает он вроде бы «не очень трудно». Скорее, радостно и весело. А еще точнее, весело. Не раз наблюдал его за мольбертом или на прогулках с альбомчиком и карандашом в руках. И я окончательно утвердился в своем мнении.

Не так давно мне довелось отдыхать вместе с художником и космонавтом Владимиром Шаталовым. Мы вместе с Анатолием Яр-Кравченко с удовольствием слушали рассказы прославленного космонавта, то серьезные, то шутливые. Я обратил внимание на то, что Яр-Кравченко слушает не просто с любопытством, но все время переходит с места на место и не спускает глаз с лица рассказчика. А поздно вечером Яр-Кравченко зашел ко мне.

— Любопытные глаза у Володи,— сказал он.— Такие голубые, такие чистые...

— Да, кажется, так,— сказал я.

— Нет, это точно. А лицо? — спросил он и сам же ответил на свой вопрос: — Светлое, одухотворенное лицо.

— Да, верно,— согласился я.

Просто мое согласие его не устраивало: человек восторженный по натуре, он того же требует от других — восторгов. И Яр-Кравченко с жаром начал доказывать, как по-мужски красив и сдержан Владимир Шаталов, как говорит он, не красуясь, о вещах воистину героических, как спокоен его голос, когда бы другой стал задыхаться от волнения, и как от этого еще более убедительны рассказы.

— А лицо?! Да ты вглядись в него. Получше!

И Яр-Кравченко описал мне внешность космонавта и выражение его лица в различные минуты с такой подробностью, словно я никогда не видел Владимира Шаталова.

Я люблю, очень люблю слушать устные рассказы Анатолия Яр-Кравченко. Переложенные на бумагу, они многое теряют. К счастью, художник довольствуется славой портретиста и не собирается записываться в литераторы. В его рассказах присутствует та доля гиперболизации, без которой не обходится уважающая себя литература, а для слушателей она — одно наслаждение. К этому надо добавить искренность, и задушевность, и любовь ко всему человеческому, которые определяют характер художника и отличительную грань его художнического мастерства.

Убедив меня, причем весьма горячо, в том, что Владимир Шаталов чудесен внешне, но еще красивее внутренне — хотя я не спорил и вполне был согласен,— Яр-Кравченко тут же заявил, что только что решил писать портрет космонавта. Акварелью. И что об этом завтра скажет Владимиру Шаталову и попросит его позировать. (Количество сеансов меня испугало — не менее дюжины!)

— Я люблю делать основательно,— сказал художник.— Я хочу проникнуть в его душу через глаза, через его взгляд. Ты понимаешь?

И я почти две недели наблюдал за этим проникновением. Художник довольно быстро «нашел» сходство, еще быстрее выписал костюм, фон и основательно «застрял» на глазах и на всем, что в какой-то мере отражает человеческую мысль, душевное состояние.

Владимир Шаталов позировал с поразительной выдержкой и рассказывал любопытные истории о воздухе и космосе. И с каждым новым сеансом на бумаге оживал космонавт Шаталов, каким его увидел и воспринял острым глазом художник Анатолий Яр-Кравченко. И наряду с внешним сходством выявлялось сходство духовное. Внутренний мир космонавта был «выписан» с поразительной точностью, доступной только кисти талантливого мастера.

Сходство портретов, сделанных Анатолием Яр-Кравченко, «с оригиналами» общеизвестно; это могут проверить все, кто посещает музеи Москвы и Ленинграда или следит за нашей периодической печатью. Художник является автором нескольких сотен акварельных и карандашных портретов, которые созданы на Ленинградском фронте в прошлую войну и после войны (в частности, писательских).

Говорить только о внешнем сходстве, когда имеешь в виду работы художника,— значит или ничего не понимать в искусстве, или пытаться как-то принизить их значение. В наше время «сходство» вполне обеспечивается самым примитивным фотоаппаратом. Проникнуть во внутренний мир человека — вот главная задача портретиста, и это прекрасно умеет Анатолий Яр-Кравченко. Если уточнять особенность художника, если выделять его портреты среди других, надо будет, очевидно, сказать о «лирическом» проникновении в духовное. Персонажи Яр-Кравченко мягки, человечны в полном смысле этого слова. Художник хорошо улавливает главное в характере человека даже тогда, когда это главное не всегда и не всем видно. Мне бы хотелось как на пример этого рода указать на портрет писателя Федора Панферова, репродукция с которого печатается в этом номере «Огонька». В несколько угловатом, но безусловно широком характере Панферова не все замечали мягкость и лирику, которые особенно проявились в последние годы жизни писателя. Раньше всех приметил это художник Яр-Кравченко и сумел передать в своем портрете.

Анатолий Яр-Кравченко, несомненно, прекрасный рисовальщик, даже настолько хороший, что порою точность его портретов может показаться излишней: штрихи его карандаша и мазки кисти безупречно точны! Но ответьте, пожалуйста, мне на такой вопрос: если бы писали ваш портрет и он больше походил бы на вашего соседа, чем на вас самих, то были бы вы довольны? Разумеется, нет. Однако вас не устраивает только фотографическая точность. И меня тоже. Мы с вами понимаем, что главная ценность произведения художника — в раскрытии внутреннего мира. Вот этого-то поразительно добивается Анатолий Яр-Кравченко.

Я хочу вернуться к тому, как делался портрет Владимира Шаталова, ибо в этом случае, на мой взгляд, особенно четко проявилась творческая манера художника. Этот портрет сдружил художника и космонавта. Нельзя что-либо делать без любви. Особенно в искусстве. Художник узнавал человека, влюблялся в него и уже не мог не писать. За месяц знакомства более половины срока было потрачено на узнавание. И только после этого портрет!

Я знаю, что со многими писателями художника сдружили именно портреты. И эта дружба сохранилась на многие годы. И не с одним и не с двумя литераторами!

Мы мало занимаемся психологией творчества. Это очень жаль. Я гляжу на Анатолия Яр-Кравченко, всегда энергичного, всегда доброго, всегда доброжелательного к своим собратьям, независимо от их творческой манеры, гляжу и спрашиваю себя: в чем секрет его нестареющего, юношески светлого ви́дения мира и любви к человеку? В том ли, что он добр характером, сердечен, или в том, что трудолюбив, или в том, что просто талантлив? Или в том, другом и третьем?

Чтобы верно ответить на это, по-видимому, надо перенестись в стены Академии художеств в Ленинграде, где учился Яр-Кравченко, затем на фронт, где он воевал и рисовал, и после этого — в его московскую мастерскую, последовать мысленно за художником в его многочисленных путешествиях по нашей стране и за рубежом. Но куда бы мы ни направились за ним, повсюду увидим человека с горячим сердцем и острым глазом, человека, страстно влюбленного в жизнь и в свой народ.

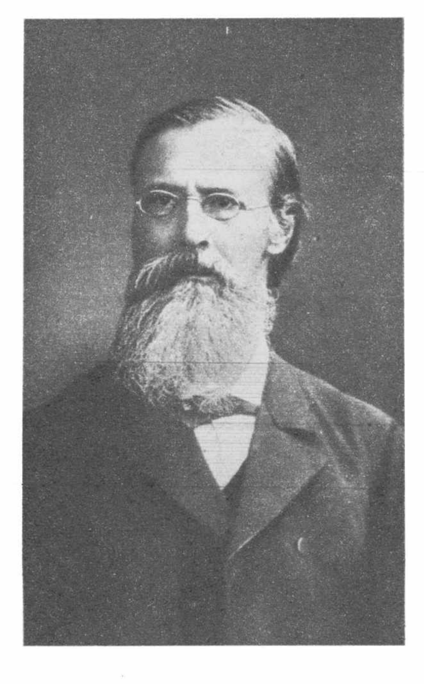
А. Яр-Кравченко. ПОРТРЕТ И. И. БРОДСКОГО.

А. Яр-Кравченко. В ЛЕСУ.

ДАЛЬ ГОЛУБАЯ ВИДНА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АПОЛЛОНА МАЙКОВА

Щедра русская земля на таланты. Баратынский, Языков, А. К. Толстой, Полонский, Мей, Фет... Каждый из этого поэтического венка мог бы достойно украсить любую землю, любую литературу. Да только у нас имена Державина, Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова оставляют их как бы в тени, на втором плане русской словесности. Но, несмотря на это, они живут в памяти народной, и мы порой сами не подозреваем, что имеем дело с мыслями, чувствами этих поэтов,— настолько органично они вошли в нашу кровь, стали неотделимой частью нашей «наследственной психологии». И поэтому сейчас, когда исполняется 150 лет со дня рождения А. Н. Майкова, одного из выдающихся представителей этой плеяды, мне хочется помянуть его добрым словом и привести читателю его стихи. И в первую очередь такой неувядаемый шедевр русской классики, как «Ласточки»:

> Мой сад с каждым днем увядает;
> Помят он, поломан и пуст,
> Хоть пышно еще доцветает
> Настурций в нем огненный куст...
>
> Мне грустно! меня раздражает
> И солнца осеннего блеск,
> И лист, что с березы спадает,
> И поздних кузнечиков треск.
>
> Взгляну ль по привычке под крышу —
> Пустое гнездо над окном;
> В нем ласточек речи не слышу;
> Солома обветрилась в нем...
>
> А помню я, как хлопотали
> Две ласточки, строя его!
> Как прутики глиной скрепляли
> И пуху таскали в него!
>
> Как весел был труд их, как ловок!
> Как любо им было, когда
> Пять маленьких, быстрых головок
> Выглядывать стали с гнезда!
>
> И целый-то день говоруньи,
> Как дети, вели разговор...
> Потом полетели, летуньи!
> Я мало их видел с тех пор!
>
> И вот — их гнездо одиноко!
> Они уж в иной стороне —
> Далеко, далеко, далеко...
> О, если бы крылья и мне!

Здесь все от первой, навсегда западающей в сердце и до последней пронзительно-тоскливой строки исполнено волей и движением души, неистребимой любовью к жизни. Кажется, жизнь сама здесь повернулась всеми своими гранями и тайнами, соприкоснулась с природой и через нее — с вечностью. Это гармоническое ощущение мира как единого целого и нераздельного с человеческой душой, это пантеистическое восприятие природы проявляется в творчестве А. Майкова во всей своей полноте.

Аполлон Николаевич Майков родился 4 июня 1821 года в семье русского живописца, Н. А. Майкова. Фамилия Майковых живет в истории русской культуры издавна. Брат прадеда поэта Василий Майков был выдающимся поэтом 18-го века, дед — директором театра, мать поэта занималась литературной деятельностью, а два брата — Валериан и Леонид Майковы — внесли заметный вклад в историю русской литературы и критики. Любовь к живописи, привитая отцом, рано пробудила в мальчике желание стать художником. И только стечение обстоятельств, в частности слабое зрение, привело в русскую поэзию необычайное и сильное дарование. Но первое увлечение осталось в жизни А. Майкова навсегда. Вот почему кажется, что многие стихи его написаны не словами, а красками и кистью,— так зримо встают они в нашей памяти. Влиянием живописи объясняют некоторые исследователи творчества поэта пластичность ранней майковской поэзии, преимущественно антологической, ее объективный зрительный характер.

Можно сказать, что первые стихи Майкова созерцательны, иногда в ущерб вдохновению изысканны по форме. Главенствующей темой в этот период является тема античности — Древнего Рима, казавшегося ему в то время эстетическим и идеологическим идеалом государства. С годами появляется желание своими глазами увидеть хоть обломки былого великолепия. И Майков едет в Италию, оттуда — в Париж. Следствием этой поездки был цикл стихов «Очерки Рима». Это уже попытка выйти за границы гнездящегося в воображении античного мира, приблизиться к живой, реальной жизни. И в какой-то мере это ему удается. Но появляются уже и нотки разочарования в прежних идеалах. Да и суетность жизни современной Европы, самой Италии вносит смятение в душу Майкова. Он все больше и больше станет находить поэзию в мечте, в непреходящих природных чувствах человека. В 1854 году он напишет одно из самых «весенних», солнечных, жизнеутверждающих стихотворений, где в полной мере проявится музыкальная и чисто лирическая сущность, за которую так ратовали Тютчев и Фет.

> Весна! выставляется первая рама —
> И в комнату шум ворвался,
> И благовест ближнего храма,
> И говор народа, и стук колеса.
>
> Мне в душу повеяло жизнью и волей:
> Вон — даль голубая видна...
> И хочется в поле, в широкое поле,
> Где, шествуя, сыплет цветами весна!

Трудно припомнить сразу что-либо подобное по ощущению простора, шири и дали русского пространства. Причем к живописному изображению примыкает и философски обобщенная мысль. Это поистине то начало, что разовьется впоследствии в творчестве А. Блока; эта «даль голубая» станет «очарованной далью»...

В эстетических воззрениях поэта тоже произойдет сдвиг. От созерцательного и возвышенного воспевания античного мира он придет к сближению с русской природой, с русской жизнью. Этому периоду принадлежат лучшие стихи Майкова, ставшие хрестоматийными и воспитавшие не одно поколение людей, такие стихи, как «Сенокос», «Журавли», «Осень», «Емшан», «Под дождем», знаменитая «Колыбельная песня» и, конечно, уже процитированные нами «Ласточки». Многие стихи Майкова положены русскими композиторами на музыку, вошли в репертуар таких знаменитых певцов, как Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, Н. А. Обухова, С. Я. Лемешев...

Если говорить сегодня о социальном значении поэта, то надо признать, что в этой области Аполлоном Майковым сделано немало. Он был далек от идей реальной борьбы. Но тем не менее поэтическое наследство его является неоценимым вкладом в сокровищницу русской литературы, ибо оно не только наслаждает душу, но и воспитывает эстетическое чувство, вкус, формирует наше отношение к прекрасному.

Борис ПРИМЕРОВ

ДОБРО И СВЕТ

В одном из своих стихотворений Михаил Хонинов пишет, что однажды к нему солнце

> **Так обратилось, задержав свой бег:**
> **— Скажи мне, что ценней всего на свете?**
> **И я сказал, не усомнясь в ответе:**
> **— Я, он, она — обычный человек.**

Перед нами один из краеугольных камней мировоззрения поэта. Вновь и вновь возвращается он к этой мысли, развивает ее, подкрепляет серьезными обоснованиями.

Глубокое философское обобщение находим мы в поэме «Битва с ветром», давшей название новой книге Михаила Хонинова. Лирический герой поэмы вступает в единоборство с ветром — олицетворением злой стихии. Борьба тяжела, почти непосильна, но под ногами человека родная земля, «славный бугор Богзог», придающий ему силы. Наконец противник повержен, осталось его уничтожить — и можно торжествовать победу. И вот тут-то мы подступаем к самому главному в поэме. Дело в том, что образ ветра по сути своей диалектичен:

> **Но если в степи ковыльной ветер я умертвлю,—**
> **В холм превращу могильный землю, что так люблю...**

Обуздать силы природы, любые противоборствующие силы, не истребить, а покорить, заставить служить добру — вот подлинная задача человека — борца и преобразователя мира.

Мажорный финал поэмы — гимн человеку, лишившему ветер «силы мрачной и злой», «Человеку, хозяину земли».

> **И вширь и вдаль окоема — докуда достанет взгляд,**
> **Звеня наливными колосьями, хлеба золотые стоят.**
> **И мчится калмыцкой степью, летит, ковылем звенит**
> **Порывистый, гордый, быстрый ветер — степной джигит.**

Неповторимое своеобразие поэмы «Битва с ветром» — в органическом слиянии ее остросовременного содержания с традиционной для калмыцкого фольклора формой. Из народных сказок, из великого эпоса «Джангар» пришла в сегодняшний день битва богатыря с многоголовым чудовищем — мусом, черты муса узнаем мы в облике ветра. Поэма доказывает, насколько плодотворен путь освоения и развития традиций устно-поэтического творчества народа. Это большая удача Михаила Хонинова, ценный вклад в сокровищницу национальной литературы, всей советской литературы.

Определяя свою задачу как поэта, Хонинов говорит о стремлении «всегда и всюду нести добро и свет родной земли моей». Стихи, составляющие книгу, наглядно подтверждают верность поэта этому благородному стремлению.

Н. ЦВЕТКОВА

Михаил Хонинов. Битва с ветром. Стихи и поэма. Перевод с калмыцкого. Издательство «Советский писатель», 1970.

ЗОРИ ЗДЕСЬ МИРНЫЕ

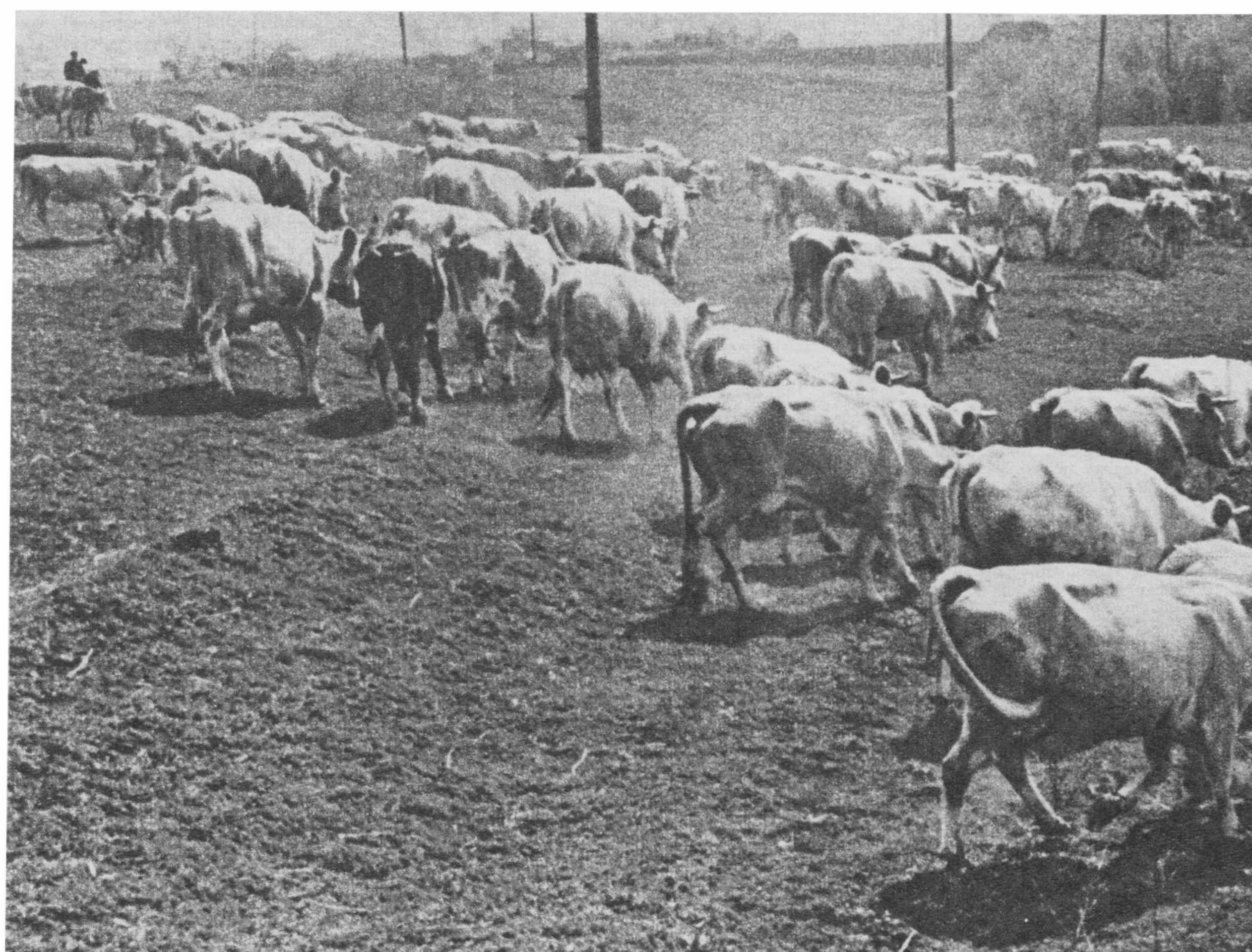
«Заря мира». Так называется колхоз в Орловской области, из которого приезжала делегатом на XXIV съезд КПСС доярка Клавдия Лазаревна Смирнова. Ее выступление с трибуны съезда взволновало многих людей. Только она вернулась домой, как на ее имя в село Урынок стали приходить десятки писем: и со всех концов Советского Союза — от колхозников, рабочих, пионеров и из-за рубежа. Особое место в почте Клавдии Лазаревны Смирновой занимают письма ветеранов войны. Их добрые слова адресованы бывшей отважной пулеметчице — в лихую военную годину она с оружием в руках отстаивала счастье и свободу человечества. Смирнова с волнением читает все эти письма и каждому старается ответить. Впрочем, тут ей не привыкать. Клавдии Лазаревне и прежде писали много: она депутат областного Совета депутатов трудящихся — почетно, ответственно, но и хлопотливо...

Только, видно, хорошо Смирнова справляется и со своими обязанностями доярки и с общественными делами, раз народ снова выдвинул ее в областной Совет депутатов трудящихся.

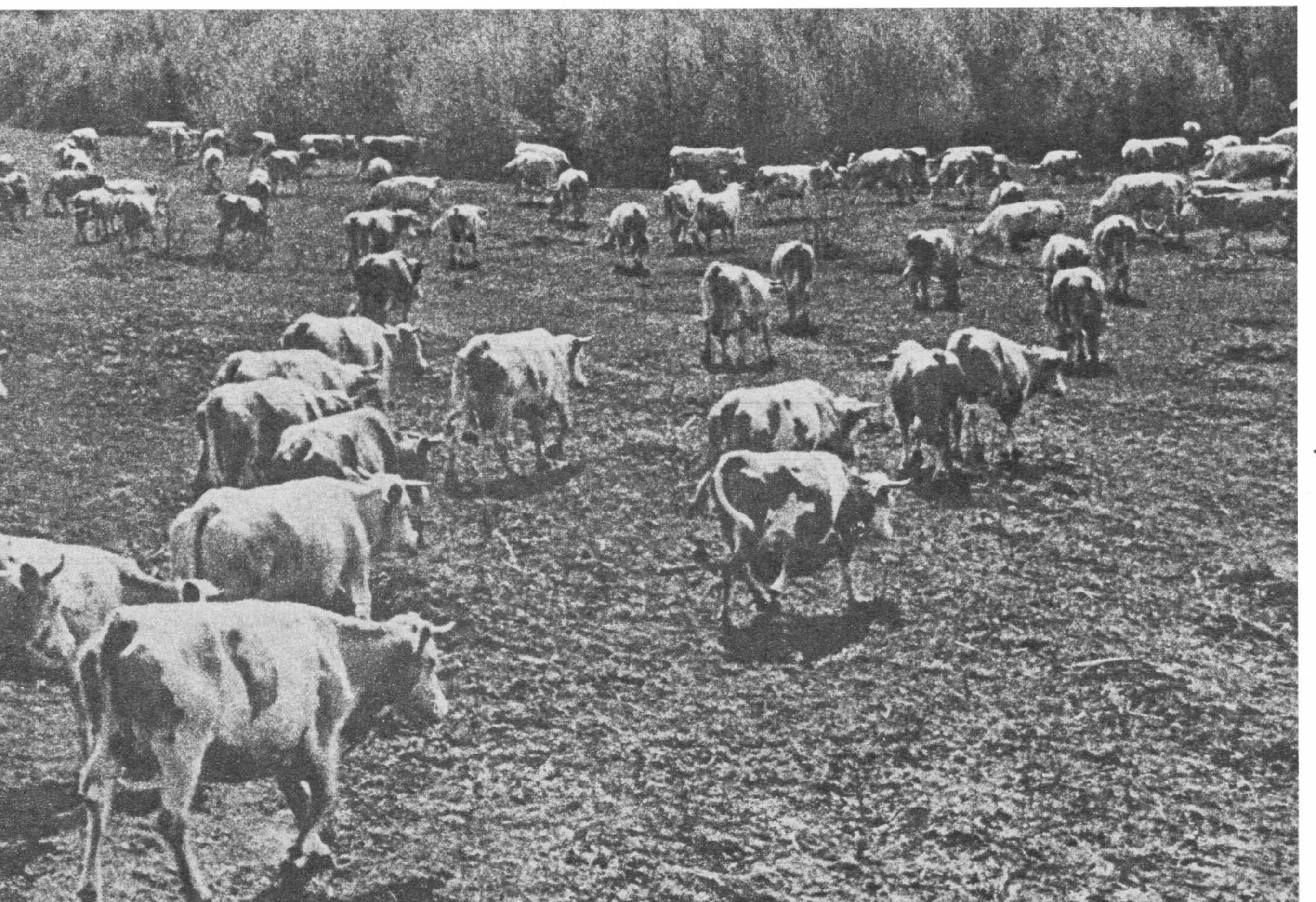
Сейчас, после выступления ее на XXIV съезде партии, многие желают подробнее узнать о жизни Клавдии Лазаревны, о жизни колхоза. Недавно с такой просьбой обратились члены клуба по изучению русского языка из города Рибниц-Дамгартен в ГДР.

Редакция направила в колхоз «Заря мира» нашего фотокорреспондента АНАТОЛИЯ БОЧИНИНА. Пусть его фоторассказ сопроводят выдержки из речи доярки К. Л. Смирновой на XXIV съезде КПСС.

▲ «Мне, как депутату областного Совета, часто приходится встречаться и беседовать с людьми, и могу вас заверить, дорогие товарищи, что все они горячо и единодушно одобряют планы партии, настроены по-боевому и готовы трудиться не покладая рук».

◄ «Я в честь открытия съезда брала обязательство надоить от каждой коровы по 1 100 килограммов молока. Обязательство я выполнила. В целом по колхозу пятилетний план по продаже мяса мы думаем выполнить за три года, а молока и других продуктов — за четыре».

▲ «Я живу в колхозе «Заря мира». Это очень хорошее название. Вместе с зарей восходит солнце и приносит людям тепло, свет и жизнь».

«За пятилетку колхозники и специалисты с помощью колхоза построили 690 жилых домов. Сейчас у нас есть все: достаток и счастье в домах, машины на полях и на фермах. Труд во много раз стал легче». ▼

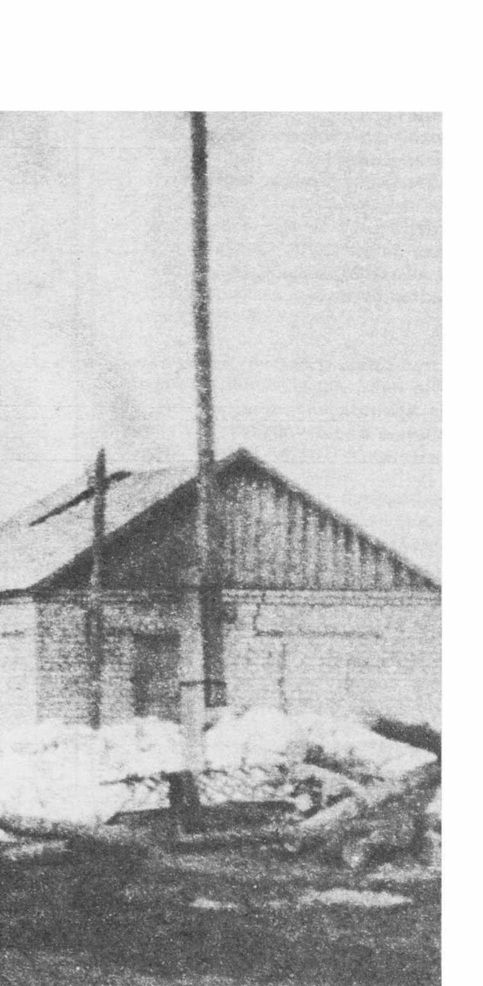

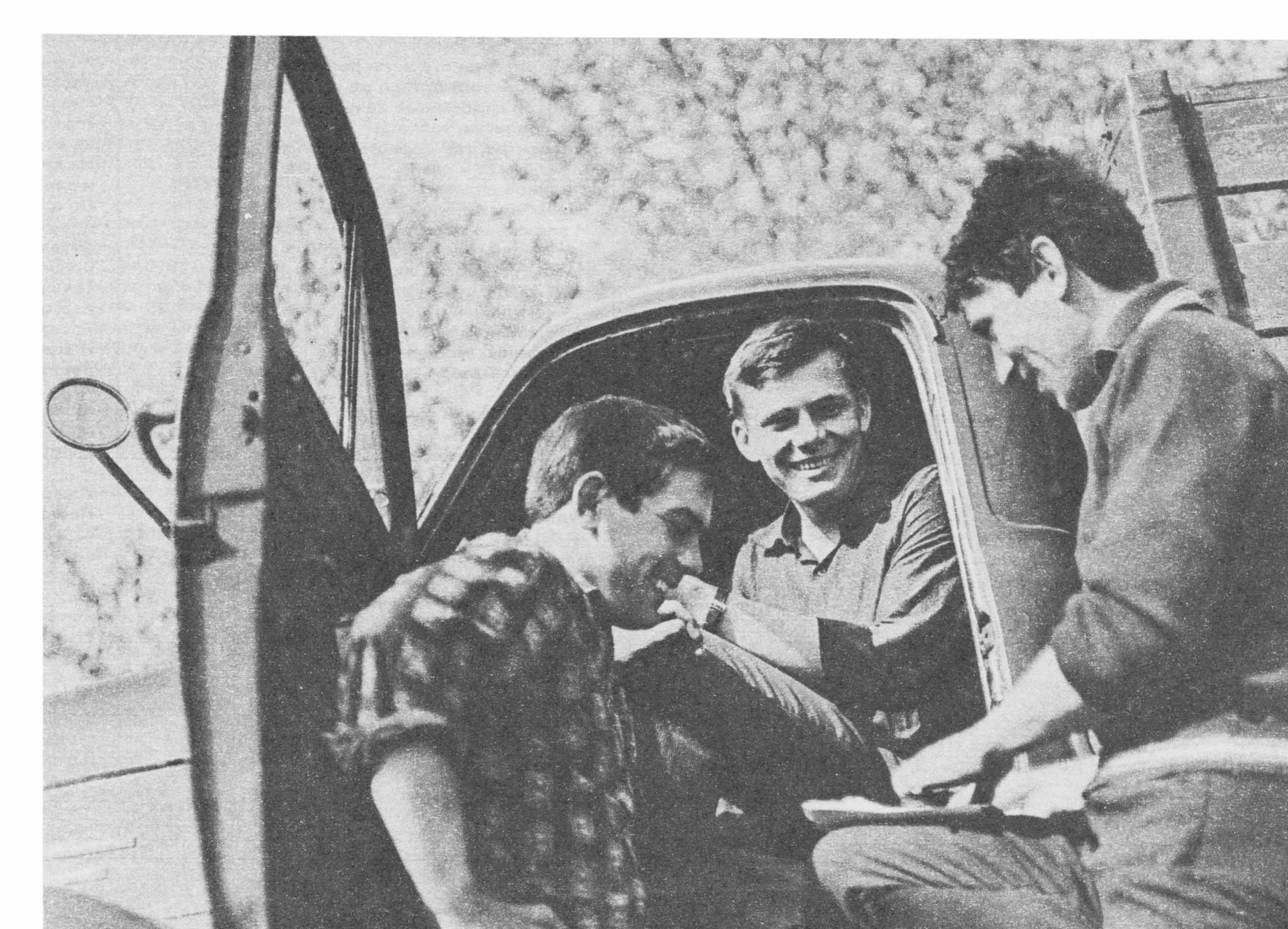
◀ «Нам, труженикам села, особенно близки и понятны думы партии о подъеме сельскохозяйственного производства».

«Не скрою, в моих глазах появились слезы радости и гордости, когда Леонид Ильич, сам бывший фронтовик, прошедший через пламя войны, в докладе так тепло, сердечно сказал о трудовом подвиге фронтовиков. Да, наш дорогой Леонид Ильич, не могли мы, фронтовики, отдыхать после войны. И мы снова пошли в атаку, только на этот раз в атаку против разрухи. И все нам пришлось восстанавливать заново».

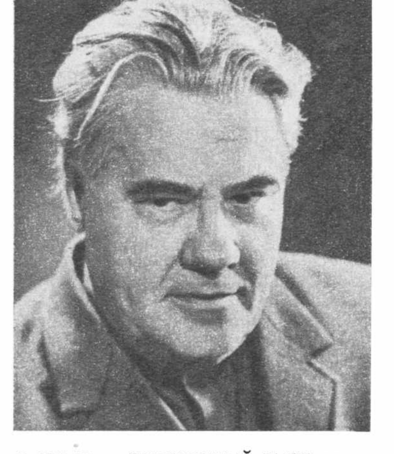
«Правление колхоза, партийная организация многое делают для молодежи. Молодежь у нас из деревни не уходит, разве что в армию призовут. Да и то почти все солдаты домой возвращаются потому, что и провожаем мы их добрым словом и встречаем, как желанных, любую работу даем по душе — есть чем заняться». ▼

Платон ВОРОНЬКО

ПОЭМА

ЗОВУТ

Полнолуние олово льет на стога, на покосы,
черный ельник покалывает оловянным
сверканьем...
Встала мать над могилами:
белые щеки и косы,
плечи горькие врезались в лунную ночь белым
камнем.
Вьет ей небо венок из серебряно-дымного
света,
на устах ее скорбно застыло бессильное слово.
И смолкает земля, росяным покрывалом одета,
только стонут леса —
видно, раны болят у них снова.
Я с поклоном земным подхожу —
и как будто впервые
вижу белые-белые губы, и брови, и косы...
Звезды гаснут в полете, лучи повстречав
заревые.
Лишь росинки горят...
Или здесь, на могилах, не росы?
Постою, причащусь материнским слезам,
этой боли,
к необъятному горю приникну,
омою в нем душу,
земли с землями сдвину в сплошное кричащее
поле —
и сыновнюю верность в нелегком пути
не нарушу.

Рассвет — как горячая рана:
война на Востоке давно...
В дорогу я вышел рано,
едва забелело окно.
Пока человечьи судьбы
перемалываются, как соль,—
в свидетели и в судьи
зовут меня память и боль.
Повисла на крыльях рассвета
глобальная черная весть:
фашизм еще ползает где-то,
и фюреры еще есть!
И чтобы живые люди
про это забыть не могли,
в свидетели и в судьи
зовут меня раны Земли.
Былое — оно все туманней,
дороги к нему все длинней...
Но жгучесть воспоминаний
и жжение нынешних дней
в канат сплетаются грубый,
захлестывают меня —
и вот уже лег на губы
горчащий привкус огня.
Сплелись пожары и выстрелы,
боль с болью
и с былью быль...

Ревет, груженный канистрами,
бронеавтомобиль.
За ним по проселку — «пантеры»:
снаружи — кресты, а внутри,
набившись в стальные пещеры,
качаются дикари.
Они еще сеют беды —
в крови, во хмелю побед.
Последние людоеды.
Последние?
Может быть, нет?..
Свинцовое поднебесье
слезами заволокло.
Стояло село на Полесье —
Копищи, живое село.
Сомкнулись у оберста брови:
он видит людей возле хат,
и участь их — в жестком слове,
в лающем звуке:
«Хальт!»
Идут по селу каратели
и в церковь сгоняют всех.
Младенцы кричат, плачут матери,
в ответ — деревянный смех.
Не звери...
Но кто ж тогда, кто это?!
Забили вход. Неспроста!
Змеей — керосин из брандспойта
до маковки, до креста.
И — факела взмах короткий...
И — пламя, взлетевшее ввысь...
И шнапсом палачьи глотки,
дорвавшись до фляг, обожглись...
А в церкви и старый и малый
сгорали, стоя в рост!
Живой воды из Каялы
туда никто не принес...
Был день так бессильно светел —
убийц не убила гроза,
и только разгневанный ветер
им пылью плевал в глаза.

Обочинами к Копищам
с полком Ковпака иду:
мы встречи с противником ищем,
проселок держа на виду.
— Танки!..
Ну что ж, пусть танки:
фугасы — в земле, я готов.
Притихли в укрытье тачанки,
и жерла глядят из кустов.
— «Пантеры», сюда!..
Лязг железа.
Расползся их пьяный строй.
За каждой два темных взреза
виляют в траве сырой.
— Поближе давайте, поближе!..
И рявкнул подземный заряд —
по стали зелено-рыжей
хлестнул тротиловый град.
...Вот там-то, на топком погосте,
под смятым железом своим
они и остались, те гости.
Реванш не приснится им.

Мы входим в Копищи.
О боже!..
Ни жителей, ни села:
дворы на могилы похожи,
сгорели сады дотла.
Ни скрипа, ни стука, ни речи,
кругом — только гарь да чад.
Две-три сиротливые печи,
как обелиски, торчат...
А в центре, где церковь желтела,
стоит, глуха и слепа,
в единое сплавясь тело,
сожженных людей толпа.
И все они — к небу устами:
быть может, прохлады поток
пробьется сквозь лютое пламя,
чтоб каждому — хоть глоток?..
Но некуда было деться!
Сгустившись, земное зло
обугленных младенцев
к плечам матерей припекло.

В глаза наши, в головы, в груди
били накаты тьмы...
— Здравствуйте, добрые люди! —
в той тьме вдруг услышали мы.
Взяв на руки, держим, как чудо,
худышку лет десяти.
— Ты чья? —
и подальше оттуда
спешим ее унести...

— Я здешняя. Мое село — Копищи.
Зовут меня Надийка Полищук.
Где папа мой сейчас?.. Нет, я не знаю.
В леса ушел он, к партизанам,
ушел весной и не вернулся.
А мама — там, куда сгоняли всех,
всех, даже нашу бабушку больную,—
меня вот только проглядели...
Там и сестра Ганнуся, ей семь лет:
до ста считать умела, знала буквы,
а в школу так и не пришлось...
Там и Павлуша, брат наш пятилетний,
еще сестренка Олечка, ей скоро
два годика... Я старшая была...
Мой дом сгорел. Мои родные — тоже.
За что их всех?.. Скажите!
За что?..

Как гвозди, слова вот эти
засели в годах моих —
и нет на белом свете
клещей, чтобы вырвать их.
Мне солнце застят поныне
все те, кто в крови, в золе
мечтал о «зоне пустыни»,
о «выжженной земле»;
все те, кто от Ворсклы до Вислы
палил за жильем жилье,
кто узаконить замыслил
бандитское дело свое,
кто в устрашенье неистовом
свой собственный прятал страх,
и детство и материнство
расстреливая во рвах.
Но эти рвы, как вулканы,
остыть до сих пор не смогли!
Не затягиваются раны —
раны
Земли.
И ты их, о жизнь, прежде времени
бесследно не залечи!
В смокингах где-то на Рейне
гуляют еще палачи...

А небо, как свежая рана,
рассветом обагрено.
Не рано мне в путь, не рано! —
война на Востоке давно:
со свалки поднявшись ржавой,
за веком идет по пятам,
державу столкнуть с державой
то тут норовит, то там,
машин смертоносных стартеры
то там запускает, то тут...

Я прибыл в город,
который
«царицей восхода» зовут.
Улыбчивая позолота
на всем, куда ни взгляну.
Не верится даже, что кто-то
и здесь разжигал войну!
По площади узенькой, странной
шагаю легко, а вокруг —
обуви деревянной
приветливый перестук.
Токийцы текут конвейером,
торговый не молкнет шум...
Японка без ног.
И веером
перед нею — пули дум-дум.
Игрушечные. Не настоящие.
Купите у входа в кино!..
Мелькают изящные плащики,
капроновые кимоно...

И словно вскрик —
Нагасаки.
Хор мертвых. Атомный шрам.
...В зеленых беретах и в хаки,
не где-нибудь — именно там! —
надменны, развязны, бойки,
два гостя с другой земли
саке попивали у стойки
и громко беседу вели.
— Сегодня мне снова с ротой
отчаливать в Индокитай...
О'кэй! Займемся работой!
Моим только волю дай!
Ротка такая, что палец

МЕНЯ РАНЫ ЗЕМЛИ

ей в рот не советую класть:
каждый — неандерталец,
и в каждом — к убийству страсть.
Насчет насилья, погрома —
единогласно «за»!
Да, эти их качества
дома
не так бросались в глаза...
Жестокости преизбыток
в любом из моих солдат:
от их сатанинских пыток
и мертвые заговорят!
Признаться, моя наука:
учил их, к тому и клоня...
Но парни мои, вот в чем штука,
давно превзошли меня.
Иному кивни —
не скрою,
задушит родную мать!
А чтобы по топям с собою
раненых не таскать,
клянусь, большинство могло бы
добить даже друга в бою!..
Порой от пещерной их злобы
мне страшно за шкуру свою.
Но более или менее
спокойно веду их в поход:
вьетнамское население —
отличный громоотвод!

Смеялись нетрезвые гости —
и думал я, слушая их:
из пепла поднимутся кости,
чтоб смех тот задохся, затих!
Да нет... Слишком солнечно было.
Ласкали лучи.
Не жгли.

Врубаясь в волну, как зубила,
уходят на юг корабли.
Под флагами полосатыми —
«свободного мира» дары:
ящики с автоматами,
напалм — до чего ж добры! —
и мрачная рота маршевая,
чей коллективный портрет
набрасывал, не приукрашивая,
бывалый «зеленый берет».
Я с нею,
в воображении,
приплыл, покинул борт...
В чащобах, как в окружении,—
броней окованный форт.
Гул джунглей — как эхо Полесья.
В огне партизанский край.
То, давнее, слышу и здесь я:
«О сын мой! Убийц покарай!»
Расстрелянные деревни...
Спаленных посевов чад...
Неужто дорога времени
меня привела назад?

Селенье на взгорье ютится,
в рассветный кутаясь дым.
И, словно когтистые птицы,
висят вертолеты над ним.
Упали с неба каратели —
сжигай, убивай, души!
Под пулями падают матери...
«Не надо! — кричат малыши.—
Не надо стрелять в нас, дядя!..»
Их крик — всей Земле укор.
Но те, прямо в лица глядя,
стреляют
в упор.
«На память» зрачок аппарата
поймал глаза малышей...
Потом за гранатой граната
посыпались в щели траншей...
Снесла тростниковые крыши
напалмовая пурга...
И тихо на взгорье. Тише,
чем до налета врага.
Ах, если б воображение...
Увы! Из-за мглистых завес
видится въявь
воскрешение
палаческих войск СС.

На теле сосчитаны раны,
в душе —
не счесть...
Наутро пришли партизаны,
в обоймах — гнев и месть.
И темень — в глаза им, в груди.
Прах, пепел... Дотлели огни...
— Здравствуйте, добрые люди! —
в той темени слышат они.
Взяв на руки, держат, как чудо,
худышку лет десяти.
— Ты чья? —
и подальше оттуда
спешат ее унести...

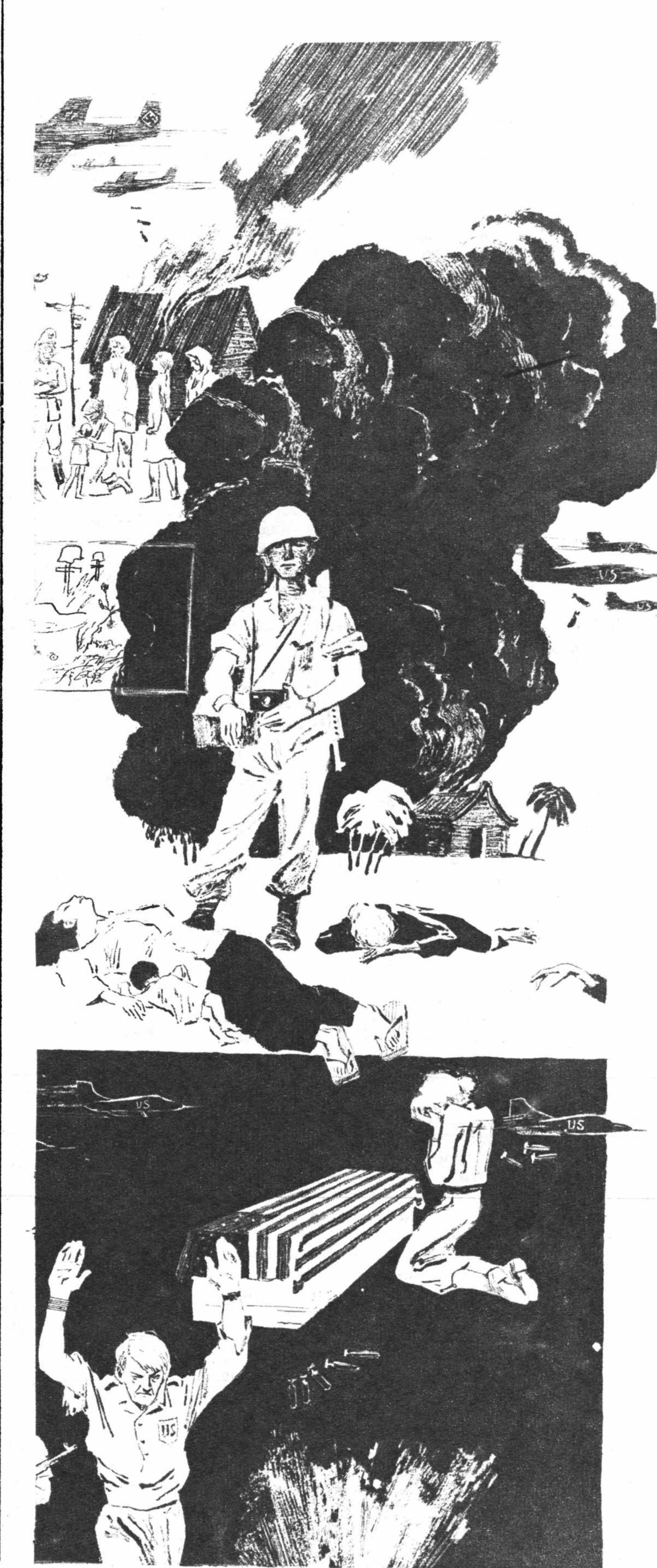
— Я здешняя. Сонгми — моя деревня.
Зовут меня Во Тхи Лиен.
Где папа мой сейчас?.. Нет, я не знаю.
Его весной арестовали
и маму тоже. Оба не вернулись.
А тетя там, где расстреляли всех,
всех, даже нашу бабушку больную,—
в меня вот только не попали...
Там был и Дык, двоюродный братишка:
умел до ста считать, знал буквы,
а в школу так и не пришлось...
Там и Мань Кхет остался, наш учитель,
и Си, моя любимая подружка,
и мальчик Нгок... Он был еще грудной...
Мой дом сгорел. Родных поубивали.
За что их всех?.. Скажите!
За что?..

Так было уже.
И каждый
твердил: так не будет впредь!..
Земля, как смогла ты дважды
это перетерпеть?!
Ты снова недоглядела:
твой лоб от пожаров горяч,
и — черной сыпью по телу
такие, как Колли-палач,
которые готовы —
им доллары только ставь! —
форсировать реки крови
и вброд
и вплавь.
Но мстит, беспощадно мстит им
пылающий Вьетнам —
и матери
по убитым
стонут не только там...
У тех, кто заваривал это,
заранее прибыль деля,
за новые беды
ответа
потребуй,
Земля!

Рассвет — как кровавая рана:
полнеба обагрено.
Не рано мне в путь, не рано —
война на Востоке давно.
Пока человечьи судьбы
перемалываются, как соль,—
в свидетели и в судьи
зовут меня память и боль.
И я выхожу в дорогу,
и верю в Мир, как в бою,
и в колокол неба
тревогу
всей болью, всей памятью бью.

Перевел с украинского Валентин Корчагин.

Рисунок П. КАРАЧЕНЦОВА.

«В Таджикской ССР... Увеличить мощности Кайраккумского коврового комбината».

Из Директив XXIV съезда КПСС по девятому пятилетнему плану.

ПРЕКРАСНЫ СТРОГОЙ КРАСОТОЙ

Нина ХРАБРОВА

У них долгая и знатная родословная, достойная златоустой арабской сказочницы Шахразады. Они родились в таинственных странах Востока. Ушли тысячелетия, унесли с собой узоры ассирийских и вавилонских ковров — это о коврах идет здесь речь, и только древние рукописи свидетельствуют о том, что ассирийцы и вавилоняне, а также мидийцы были великими мастерами ковроткачества. А вот туркменские ковры нетленно проходят через века. Их темно-красный цвет, восьмиугольные и овальные медальоны «Гель» прекрасны безупречно строгой красотой.

Ковры занимают особое место среди окружающих нас вещей: они предметы обихода и произведения искусства. Они дороги, как и все редкостные ручные изделия художников. Но, несмотря на цены, спрос на них велик. Поразительной красоты, искуснейшей ручной работы ковры мы видели в Алма-Ате, в магазине «Казахстан». Большому ларцу со сказочными сокровищами Востока подобен этот красивый магазин, и ковры рядом с чеканкой, вышивкой золотом, художеством гончаров — первые среди равных. Они стоят в углу магазина, свернутые в высокие трубы. Можно отогнуть угол и разглядывать орнаменты, льющиеся по бархатно-коричневому, темно-красному, синему полю ковров. Традиционные, виданные не раз орнаменты, растительные и геометрические, силой искусства переносят наше воображение в страны Востока. Вся красота Азии собрана мастерами и умещена на бархатных полях ковров.

Вот почему мы, направляясь в таджикский город Кайраккум, размышляли: сохранят ли ковры машинной работы такую же выразительность?

Кайраккум сверху и сам похож на ковер: вокруг изумрудного водохранилища стелются цветущие сады, пересеченные правильными линиями улиц, усыпанные серыми и красными квадратами крыш. Он совсем молодой, этот Кайраккум, и городом-то стал всего восемь лет назад. Приютился под боком у древнего Ленинабада, затенился от горячего солнца зелеными зонтами своих аллей и парков.

Комбинат чуть старше города, работает он уже десять лет и за это время сумел выткать больше 26 миллионов квадратных метров ковров. Много ли это? Очень много! И... очень мало. Ковры ведь бывают разных размеров, если допустить, что все они большие — шесть квадратных метров, то получится, что приобрели их больше четырех миллионов человек. А очень мало потому, что, наверное, каждая семья в нашей стране хотела бы купить по крайней мере один кайраккумский ковер.

Но стоп! Кто-то только что высказывал сомнение в художественности машинных ковров? Да-да, мы же и высказывали и с удовольствием от него теперь отказываемся.

...Я услышала рассказ Арифа Назарова о его детстве. Погиб на фронте отец, и Арифу пришлось пойти работать. Были у него и заботы, были и радости: тетради для рисования, краски с кисточкой, цветные карандаши. Самое радостное воспоминание детства — рисование. Окончил с отличием среднюю школу и поступил в Душанбинское художественное училище на отделение росписи. Усердно преодолевал дистанцию от человека, умеющего рисовать, до художника. И теперь вот работает на комбинате, в художественной мастерской. Его стол — последний у стены. Перед ним за столами сидят девушки — выпускницы из того же училища Люда Пережигина, Мавлюда Ташпулатова, Саша Погорелец и Наташа Чернова. Дружные девчата и живут вместе в одной двухкомнатной квартире, которую им предоставил комбинат.

У окна за столом сидит Насыр Хусаинов. После Душанбинского училища он пять лет работал в школе учителем рисования, а недавно перешел сюда.

Шестеро художников... И пусть простят меня мастера, технологи и ткачи, если скажу, что именно здесь, в этой мастерской, рождается слава кайраккумских ковров. Потому что насмарку пошла бы вся работа мастеров, технологов и ткачей, если бы художники давали им безвкусные узоры. И еще задают тон комбинату главный колорист Людмила Николаевна Головина и заведующая химической лабораторией Галина Михайловна Пименова.

— Мы здесь убежденнейшие ориенталисты,— сказала нам Галина Михайловна,— составляем краски, наиболее близкие к старинным расцветкам среднеазиатских ковров.

Продолжает этот разговор Наташа Чернова:

— Мне и моим товарищам нравятся национальные туркменские, узбекские и таджикские узоры, они бесконечно разнообразны и звонки, разыскивать их и обрабатывать — большое творческое наслаждение.

Секретарь парткома комбината Антонина Федоровна Пирожникова и главный инженер Шариф Каландаров тоже сторонники восточных орнаментов.

— Странно было бы,— говорит Антонина Федоровна,— здесь, в окружении традиционной народной красоты, пытаться искать другую.

Большой творческий взлет был у художников перед юбилеем Самарканда. Они побывали там, посвятили городу по нескольку эскизов. По Наташиным эскизам выпускаются ковры «Мукадоз» — «Вечность» и «Путь к звездам»... Оба признаны ее лучшими работами. Ковер Арифа Назарова голубой, как изразцы Самарканда, и коричневый, как окружающие его земли и горы, он так и называется «Самарканд».

За время существования мастерской здесь разработано 680 эскизов. В этом году комбинат выпускает ковры пятидесяти рисунков.

Вот так и уходит это, казалось бы, непреодолимое различие между коврами ручной и машинной работы. У самой колыбели машинных ковров к ним прикоснулись талантливые руки художников, и талантливые ткачи не пожалели для них своего мастерства. Их можно класть рядом, можно сравнивать — великолепные ручные ковры и машинные ковры Кайраккума. Да, собственно говоря, зачем все время сравнивать? Пусть больше будет и тех и других. Но больше будет, конечно, машинных, потому что ручные ткут по месяцу и больше, а машинный — он готов за полчаса. Вот именно поэтому особенно взыскательными к себе должны быть художники ковровых комбинатов.

Кайраккумские художники молоды. Они часто ездят по республикам Средней Азии, учатся у известных народных мастеров. Были они и в Молдавии, в Закарпатье, в Прибалтике. Нынче поедут в Новгород и по русскому золотому кольцу. Источник их творчества — неисчерпаемое творчество народа.

А цеха? Цеха здесь благоустроены, с хорошей вентиляцией, ровной температурой и влажностью. Они оснащены хорошими машинами, и работают тут хорошие мастера. Одна из лучших ткачих комбината, Вера Михайловна Орлова, выполнила за пятилетку восемь годовых планов!

Цветные нити туго натянуты на станках, в цветных радугах запутались солнечные лучи. Цех наполнен светом, мягким стуком ткацких станков. Здесь многое привлекает молодых.

Альмира Азимова недавно стала ткачихой.

— Я поступила сюда в июне прошлого года,— рассказывает она,— и два месяца училась у опытной ткачихи Светы Раджабовой. Теперь я выполняю план, то есть тридцать четыре метра за смену, а бывает, и тридцать шесть. Раньше я боялась и волновалась, теперь умею работать спокойно. Осенью думаю поступать в вечернюю школу.

— А чем сейчас занимаетесь в свободное время?

— Помогаю маме воспитывать младших, у нас дома четверо школьников. Ну и читаю, конечно...

— Какие же книги любите?

Альмира молчит, улыбается. Потом решительно признается:

— Сказки.

Пока мы разговариваем, машина плавно опускает к ногам Альмиры темно-красную узорную полосу ковра. И постепенно все огромное пространство цеха покрывается этими красивыми плотными полосами художественной ткани, от которых в чьих-то домах станет празднично и уютно.

Готовые ковры подвозятся к столу Дили Эннодовой.

Диля строго осматривает каждый сантиметр — она работает приемщицей.

— Чего бы вам хотелось в жизни, Диля?

— Собираюсь поступать в наш техникум. Закончу, стану технологом ковроткачества.

Во многих союзных республиках ковры Кайраккумского комбината пришлись по вкусу, идут нарасхват.

— Мощность нашего комбината в девятой пятилетке увеличится вдвое,— рассказывает Антонина Федоровна Пирожникова.— К концу пятилетия комбинат будет выпускать три миллиона шестьсот тысяч квадратных метров в год. Наш комбинат носит имя Ленина, мы дружим с жителями Ульяновска. И Ульяновский государственный проектный институт проектирует для нас новую часть комбината. Когда она вступит в строй, мы дадим еще три миллиона квадратных метров махровых ковров.

Хорошие вести. И вот еще что хорошо. Никогда в нашей стране не производилось столько ковров и никогда в них не было такой большой потребности, как теперь.

Альмира Азимова только начинает свой путь к мастерству, но уже работает самостоятельно на ковроткацкой машине.

Глаз опытной ковровщицы в состоянии различить десятки оттенков одного цвета. Этот набор цветов — лишь малая часть палитры, используемой в ковроткачестве.

Фото Л. Шерстенникова.

Сначала ковер рождается в эскизах художников. Наталья Чернова (справа) и Людмила Пережигина создали уже немало оригинальных рисунков.

Бегут, искрятся радужные нити...

Поет Елена Образцова.

Ольга САХАРОВА

Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

Полтора года назад во время гастролей оперной труппы Большого театра в Париже один из ведущих французских музыкальных критиков писал в «Франс суар»: «Если вы встретите однажды эту певицу, вы не забудете, что ее имя Елена Образцова».

На сей раз французская экспансивность не преувеличивала: действительно, Елену Образцову запоминаешь с первой, пусть даже мимолетной встречи. Очень красива на сцене эта стройная, зеленоглазая женщина с горделивой осанкой, неожиданно мягкой, радостной и благодарной улыбкой, обращенной в рукоплещущий зрительный зал. Она прекрасная актриса. На ее спектаклях вас никогда не посетит ощущение сугубо оперной условности ее героини... Но разве все это имело бы хоть какое-то значение, если бы не голос Елены Образцовой, голос глубокий, мягкий и страстный, сознающий свою власть и наслаждающийся собственной свободой и силой...

...Первым спектаклем, в котором мне довелось услышать Образцову, была «Аида». Должна признаться, что сейчас уже не помню никого из ее партнеров. Но вовсе не потому, что они показались профессионально слабее: исполнительский ансамбль, как всегда, был достоин сцены Большого театра. Но главной героиней оперы стала Амнерис — страдающая, мятущаяся. Весь сюжет оперы вдруг предстал как история трагической любви дочери египетского фараона, любви, родившейся из страсти и погибшей в борьбе с ней. Амнерис Елены Образцовой — натура настолько пылкая, неукротимая, что уже в первом акте вы ощущаете обреченность ее чувства к Радамесу. Не мог полюбить он такую Амнерис, слишком яркую и сильную для него... Первую лишь музыкальную фразу партии спела Образцова и раскрыла перед вами строй души царственной египтянки — властной, но где-то (в тот миг это можно было лишь угадывать) не защищенной внутренне. Рисунок образа — и музыкальный и пластический — точен, предельно заострен на главном, чем полна героиня. Амнерис напоена своей страстью, она дышит ею, как воздухом, голос ее упруг, почти осязаем. Вы понимаете, как могуче, пламенно ее чувство. Плавный, спокойный строй мелодии контрастно оттеняется то острым, испепеляющим взглядом, брошенным царицей на соперницу — эфиопку Аиду, то поднятой вверх ладонью, как будто в немой борьбе сжимающейся в кулак.

Амнерис прекрасна и обольстительна. Она пытается обольстить даже Аиду — голос становится мягким, обволакивающим; но властность царицы все равно живет в нем. Образцова заставляет притворяться свою Амнерис, но никогда не притворяется сама... Актриса не боится показаться некрасивой. В момент, когда неутоленная страсть заставляет выплеснуться наружу все темное, что обитало в душе Амнерис, она почти страшна. Но и здесь, в этой вспышке жестокости — «сердце и гневом и мщеньем горит», — то ли в голосе Амнерис — Образцовой, в самом конце фразы будто ушедшем в себя, то ли в надломленной линии дивных гибких рук вас вдруг пронзает понимание страшной внутренней незащищенности женщины... Это ощущение промелькнет мгновенно, но оно не оставит вас и когда царица Амнерис с гордо поднятой головой будет упиваться многоголосным величанием своих подданных, и когда она властно и очарованно взглянет на Радамеса, кажется, уже принадлежащего ей... Но нет, нет, недаром так защемило тогда сердце... Трагедия Амнерис не только в том, что она отдала своего избранника, полюбившего Аиду, в руки палачей-жрецов. Ее трагедия — это ее любовь... «Сжальтесь, боги, молю я вас!..» Стенания гордой, сломленной души — голос не царицы, а смертельно страдающей женщины несется со сцены. Она оплакивает не Радамеса, она оплакивает свою любовь...

Тогда, поздним вечером, выходя из Большого, я мысленно пыталась обобщить свои впечатления о молодой певице. Вспоминала ее уверенный вокальный артистизм, богатство голосовых красок, благородную манеру пения... Но что-то казалось не услышанным, не проявившимся в тот вечер... Что?

— Я всегда перед выходом волнуюсь. Ужасно!.. Помню, на дебюте в «Борисе Годунове», стою в кулисах, как во сне, и думаю: «Ни за что не выйду. Пусть закрывают занавес, пусть все что угодно, только не выходить». Меня, Марину Мнишек, паны под руки вывели... Спела. Приняли очень хорошо... Я не за голос боюсь — меня страшит чувство колоссальной ответственности перед залом, огромной черной пастью... Она живет, она дышит. Я отдаю ей себя. Она дружелюбна, — но передаю ли я ей все, что слышу внутри себя?..

Елена Образцова-собеседница производит такое же впечатление, как Елена Образцова-певица. Она начисто лишает покоя. Вы уходите смятенным, до конца не понимающим, чем так разбередила вашу душу эта женщина, почему вдруг, вспоминая ее рассказ, вы думаете уже не о ней, а находите какие-то аналогии чувств и ощущений в себе... Первое впечатление — красивая, спокойная, добрые, внимательные глаза... Внимательные? Нет, это, пожалуй, не точно. Глаза, устремленные не только на собеседника, но вовнутрь себя, — в те чувства, которые надо найти, ощутить, выразить. Руки — гибкие, пластичные, они тоже участвуют в этом беспрестанном процессе материализации эмоций и мыслей. Елена Образцова рассказывает о людях, которые вошли в ее жизнь, в каждом находя то, что особенно близко ее натуре, что помогло раскрыться ей самой.

О педагоге в Ленинградской консерватории Антонине Андреевне Григорьевой:

«Она очень тактична, аккуратна как человек и как музыкант. Мне все хотелось сделать скорей, спеть сразу большие арии, сложные романсы. А она настойчиво убеждала, что без постижения «азов» вокала ничего не выйдет... Я ведь пришла в консерваторию без всякой профессиональной подготовки. Полгода после школы проучилась в радиотехническом институте и бросила — не могла насиловать себя. И вот консерватория — музыка, пение. Казалось, если приняли, значит, все могу. А Антонина Андреевна дает упражнения и упражнения, маленькие романсы. Лишь когда видела, что я чувствую себя ущемленной, вдруг предлагала работать над крупной вещью. Не наставляла, не поучала. Просто сразу становилось ясно, что, оказывается, для меня это еще рано... А первым победам моим — на фестивале в Хельсинки и на конкурсе имени Глинки — радовалась не меньше меня самой. Хотя и считала, что рано я вышла на такое испытание. Может быть, и здесь была права...

— Почему же сначала был все-таки радиотехнический институт?

— Потому что папа — он инженер, как и мама, — не признавал серьезности моих певческих мечтаний. Но пожинал он те плоды, которые сам взрастил: дома у нас всегда была музыка. У отца прекрасный баритон, он хорошо играет на скрипке. Приходили его друзья, пели, музицировали... Для меня с детства музыка была не дополнением к жизни, а неотъемлемой ее частью. Но певицу, артистку во мне все-таки никак, наверное, нельзя было угадать: худущий сорванец, с вечно ободранными коленками, дружила только с мальчишками. Летом на даче, на Карельском перешейке, единственная отрада была — лошади; первую, на которую я взобралась, звали Октава. Символично?.. До сих пор вспоминаю то время: ночное, рыбалка. Музыка и там была: папа удивительно умел делать из консервной банки и лески какое-то подобие балалайки, а мне такого сопровождения хватало...

Самой большой признательностью, не только профессиональной — человеческой, проникнуты слова артистки об ее коллегах, больших, настоящих музыкантах.

— Как интересно работать с дирижером Евгением Светлановым! Он не просто показывает, что ему хочется услышать, он может доказать, что именно так должна звучать партия.

Очень много дал мне Александр Ерохин, мой концертмейстер. Его музыкальная эрудиция, кажется, беспредельна. Он научил меня слушать музыку, работать до самозабвения. Мы готовим все новые и новые программы — Моцарта, Стравинского, Мусоргского, Свиридова, — и каждый раз я знаю, что он поможет мне постигнуть в музыке главное, сокровенное.

Какой это драгоценный дар — уметь открывать в людях их душевное богатство, удивляться им! Когда Елена Васильевна рассказывает о тех, кто дорог ей, она похожа на свою маленькую дочь: у Леночки такой же чистый взгляд, жаждущий новых прекрасных открытий в жизни.

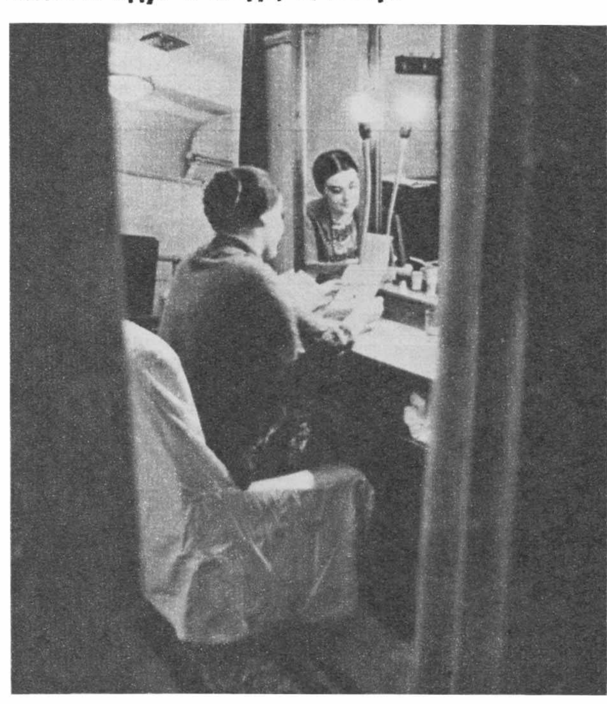
Но главная сфера бесконечного познания для старшей Елены Образцовой — это, конечно, музыка.

Если существует дар перевоплощения, то он ощущается почти материально в голосе певицы. Неужели это она, такая ровная, мяг-

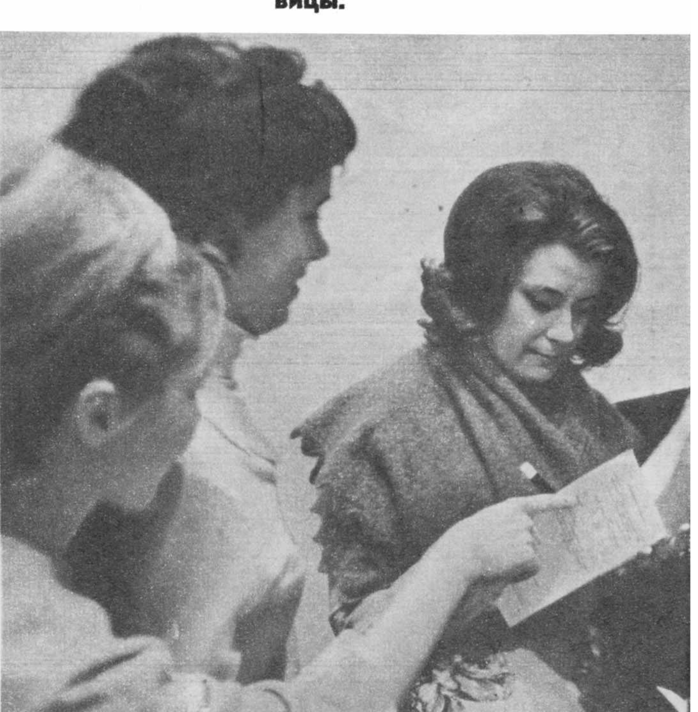
Непреклонная страстность звучит в арии Амнерис.

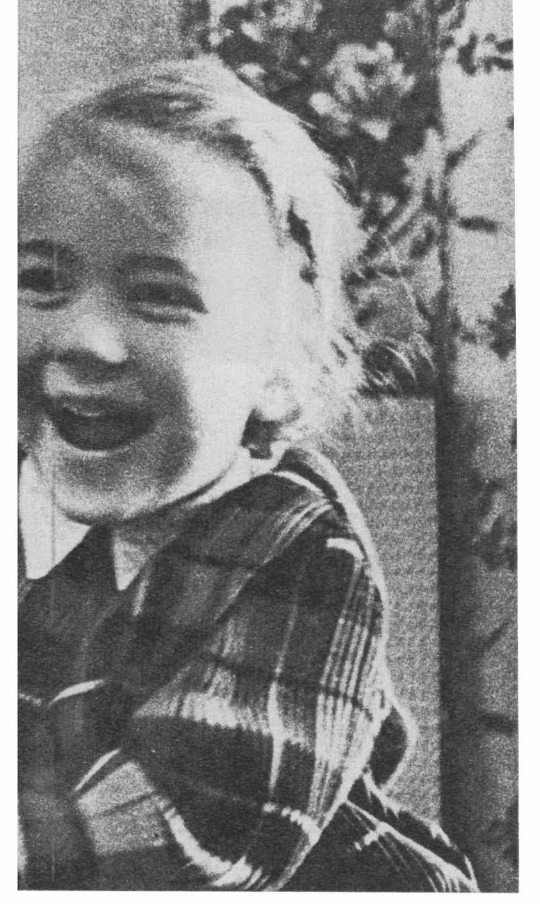

Письма идут и сюда, в театр.

Композитор Матвей Блантер с удовольствием присоединяет свой автограф к автографу певицы.

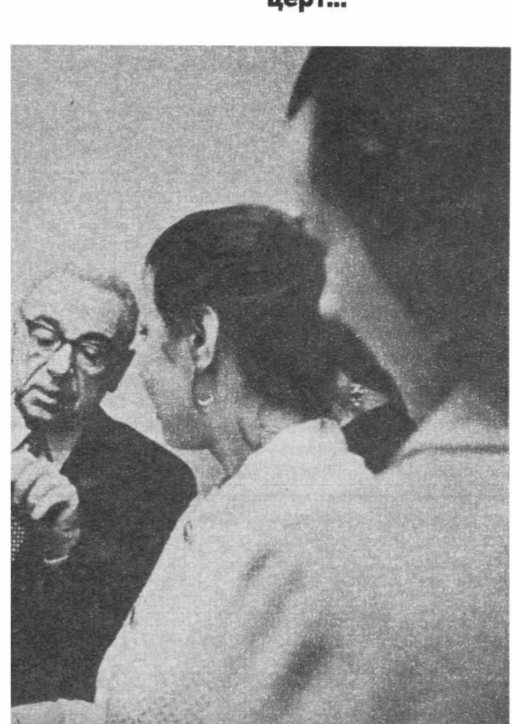

Когда мама дома — очень весело!

Цветы, овации... Так заканчивается каждый спектакль, концерт...

«Хованщина». Марфа — олицетворение страдания и любви.

кая, заставляет вас трепетать, отдаваясь властной вкрадчивости и неге Далилы? Ее голос хочется сравнивать с чем-то осязаемым, реальным.

Но есть другие партии в репертуаре певицы: Любаша в «Царской невесте», Марфа в «Хованщине» — самые любимые. Никто, кроме русской певицы, еще не сумел так раскрыть глубины женской любящей и страдающей души.

— Мне кажется, что эмоционально русская музыка — самая сильная: ее нельзя просто слушать, ее переживаешь сердцем.

Любаша и Марфа, они тоже очень разные. Но и у них есть то, что объединяет: любовь самозабвенная, чистая, погибающая только вместе с жизнью.

Марфа... Раскольница... Вся она — затаенное страдание. Уходит любимый. Все тесней смыкается круг гонений на старую веру. Но душевная убежденность, достоинство не сломлены. «Дитя возлюбленное» — называет ее Досифей; они оба — единственные, кто живет не преходящими событиями, а духовным богатством. Любовь и вера для Марфы неделимы. Решив сжечь себя в скиту вместе с любимым, она не отдается религиозному фанатизму: для нее это единственная возможность положить конец своим страданиям.

— Любаша мне ближе всех. Чистая и сильная. Она не из мести губит соперницу: она просто стирает ее образ. Я бы оправдала ее...

Да, такую любовь, беззаветную и беззащитную, нельзя не оправдать. Чистый, трепетный голос Образцовой, когда она поет Любашу, болью сжимает сердце. Где властность, земная напоенность Далилы, Амнерис? Здесь только неизбывное горе, страдание. «Да любит ли она его? Да любит ли, как я люблю?..» Значит, можно любить так, что страшишься лишь несчастья любимого человека, страдаешь оттого, что он отвергает твою преданность?.. Сколько оттенков находит певица, когда ее героиня встречается с возлюбленным... В голосе звучит то робкая надежда, то оскорбленная гордость, то горький упрек. Она ищет оправдания Григорию: «Ты, верно, полюбил в сердцах другую». Голос отрешенный, почти невесомый. «Ведь я одна тебя люблю...» Это уже не упрек, это плач, последняя жалоба погибшей любви. Какая горечь сердца! Кажется, физически ощущаешь, как оно кровоточит. Любаша не Григория заставляет вспомнить об их любви — она сама прощается с ней... «Все для тебя!» — Рыдания не прерывают мелодии, они продолжают ее, потому что нет больше силы в этом сердце и некуда уже рваться этому страдающему голосу...

Откуда такая сила сострадания в актрисе? Ведь если каждый раз боль Любаши — это и ее боль, то сколько же душевных сил надо иметь, чтобы ее вынести? Может быть, Любаша, Марфа и оставили в прекрасных глазах Елены Образцовой ту необъяснимую, тихую грусть, что замечаешь неожиданно для себя?..

Трудно понять внутренний мир другого человека. Трудно постичь, что питает его чувства, мысли. Но безошибочно можно почувствовать глубину человеческой души. Голос Елены Образцовой — это голос чистого и сильного сердца.

ЕСЛИ ТЫ — НОВО

Нигде в мире не строят так много, как у нас. На вопросы, связанные с развитием жилищного строительства в новой пятилетке, первый заместитель Председателя Госстроя СССР, Председатель Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР Геннадий Нилович ФОМИН отвечает корреспонденту «Огонька» Л. Паливеской.

Начало см. на 2-й стр. обложки.

ВОПРОС. В Директивах XXIV съезда КПСС сказано: «Построить за пятилетие... жилые дома общей площадью 565—575 млн. кв. метров». Прокомментируйте, пожалуйста, эту цифру.

Ответ. За этой цифрой мне видятся счастливые новоселья по всей стране. **В предстоящей пятилетке строители будут сдавать ежегодно около двух с половиной миллионов квартир. Это позволит улучшить жилищные условия примерно шестидесяти миллионам человек.** Девятую пятилетку можно смело назвать новым этапом в развитии советского жилищного строительства. Но характеризуется он не только большими цифрами.

Партия и правительство считают одной из важнейших задач новой пятилетки наряду с дальнейшим увеличением объема жилищного строительства повышение качества строительно-монтажных и отделочных работ, улучшение планировки всех типов квартир, их внутренней отделки, оборудования и внешнего вида, архитектурного облика, благоустройства строящихся и реконструируемых городов. На инженерное оборудование и благоустройство населенных мест предполагается выделить значительно больше средств, чем в прошедшей пятилетке. Города будут лучше обеспечены централизованным водоснабжением, канализацией, увеличится использование для бытовых нужд электроэнергии и газа.

ВОПРОС. Чем отличаются новые типовые проекты от прошлых, какие квартиры будут строиться в девятой пятилетке?

Ответ. Изменения значительны. Квартиры станут удобнее, уютнее, увеличится их полезная площадь, кухни, передние, санитарные узлы будут просторнее, больше станет встроенных шкафов и подсобных помещений. Мусоропроводы запроектированы и в пятиэтажных домах. В каждой новой серии домов разработано не менее десяти типов квартир различного размера с количеством комнат от одной до пяти: однокомнатная квартира в 28 и 36 квадратных метров, двухкомнатная — в 41 и 50, трехкомнатная — в 58 и 63, четырехкомнатная — в 70 и 74, пятикомнатная — в 84 и 91 квадратный метр общей площади. И каждая из них рассчитана на одну семью.

Теперь давайте представим, что вы получили, скажем, трехкомнатную квартиру в доме, построенном по одному из новых проектов. Уже в подъезде вы обратите внимание на специальное помещение для хранения детских колясок, лыж, велосипедов. А вот и ваша квартира. Я вижу, вас сразу обрадовала прихожая. Да, здесь есть где встретить гостей, поставить телефон, зеркало, журнальный столик. В передней — вместительный встроенный шкаф, кладовая. Остекленная дверь ведет в общую комнату, которая теперь стала больше. Из этой же комнаты выход на балкон или в лоджию. Две двери из прихожей ведут в спальни — для взрослых и детей. Они могут быть разными, в зависимости от числа членов семьи. Все комнаты решены в хороших пропорциях — так, что можно удобно расставить мебель. Туалет и ванная комната — рядом со спальнями. Площадь ванной ком-

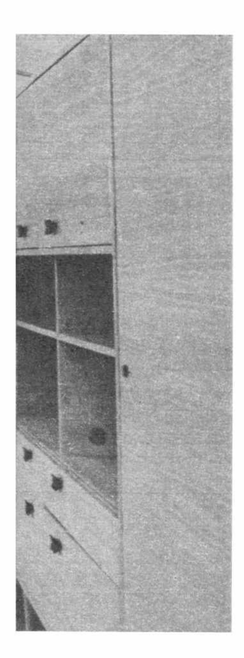

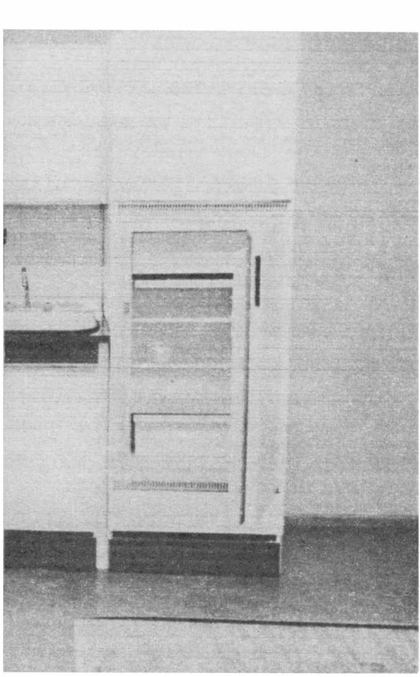
Трехкомнатная квартира, спроектированная москвичами...

...и кухня, предложенная ленинградцами.

СЕЛ...

наты увеличена, да и сама ванна стала длиннее — 1,7 метра. Кухня, которая, как правило, располагается рядом с общей комнатой, расширилась. Она достаточно просторна, чтобы в ней можно было разместить холодильник, мойку, газовую или электрическую плиту, рабочий столик, обеденный стол со стульями, набор необходимых настенных шкафов.

Кухонная мебель будет устанавливаться по желанию новоселов и за их счет. Научно-исследовательские институты нашего комитета, Министерство лесной и деревообрабатывающей промышленности СССР спроектировали секционную кухонную мебель, удобную для любой квартиры, большой и маленькой. К концу пятилетки мебельные предприятия страны должны ежегодно выпускать до миллиона комплектов стационарной кухонной мебели и встроенных шкафов.

В новых проектах архитекторы и проектировщики учитывают особенности различных районов страны. На Крайнем Севере в жилых домах устраиваются эркеры, сушильные шкафы для одежды, принудительная вентиляция, на десять процентов возрастут площади квартир. В северных и ряде южных районов страны увеличивается высота внутренних помещений. На юге расширяются балконы или лоджии, предусматриваются солнцезащитные устройства, места для кондиционеров, обеспечивается сквозное проветривание квартир. За счет совершенствования конструктивных решений во всех домах улучшится звукоизоляция и теплоизоляция.

Сейчас уже закончена разработка более 600 новых типовых проектов жилых домов для различных районов страны. Одна из характерных их особенностей—учет перспективы на многие годы. Это означает, что квартиры, строящиеся по новым проектам, могут успешно использоваться и в дальнейшем, когда нормы заселения возрастут, когда маленькие семьи будут получать большие квартиры.

ВОПРОС. В Директивах сказано: улучшить архитектуру и внешнюю отделку домов. Хочется узнать, исчезнет ли термин «Черемушки», который стал, к сожалению, означать теперь, что не только микрорайоны, но и города похожи порой друг на друга, как близнецы.

Ответ. Вопрос справедливый. Действительно, дома, построенные по некоторым типовым проектам 1958—1963 годов, невыразительны и однообразны. В микрорайонах легко заблудиться, а улицы монотонны и утомляют глаз.

Должен сказать, что все это постепенно уходит в прошлое. Уже сейчас в некоторых городах нашей страны есть немало примеров интересной, красивой и разнообразной застройки. Новые проекты создают дополнительные возможности для осуществления этой задачи. Предлагается множество вариантов архитектурных решений балконов, лоджий, входов в жилые секции, разнообразная фактура стеновых панелей.

Жилищно-гражданское строительство будет вестись в комплексе со строительством домов, предназначенных для культурно-бытовых и коммунальных учреждений. Разнообразные и интересные по своей архитектуре общественные здания, которые должны формировать центры жилых районов, своевременное и высококачественное выполнение работ по благоустройству, озеленению, богатство малых архитектурных форм и других средств внешнего оформления позволят сделать советскую архитектуру еще более привлекательной, неповторимой. Помогут и новшества в организации типового проектирования. К этой большой работе привлечены, помимо центральных и зональных институтов, многочисленные институты республик, исполкомы в крупных городах, местные архитекторы, которые хорошо знают традиции народного зодчества своих районов. Словом, при таких условиях каждый наш город сможет обрести облик, присущий только ему одному.

Директивы XXIV съезда партии требуют повышения качества жилищного и гражданского строительства. Выполнение этой задачи связано не только с внедрением новых проектов, но и с решительным улучшением качества строительно-монтажных и особенно отделочных работ. Строители должны точно соблюдать государственные нормы, правила и стандарты. Нужен более требовательный авторский надзор и государственный архитектурно-строительный контроль за точным исполнением проектов и технических условий. Есть уже немало городов, где тесный контакт домостроителей с архитекторами и проектировщиками самым положительным образом сказывается на качестве, разнообразии застройки: я хотел бы в этой связи отметить многие районы Москвы, Ленинграда, Киева, Алма-Аты, Вильнюса, Риги и такие новые города, как Шевченко, Навои, Нижнекамск, Тольятти, Сумгаит...

ВОПРОС. Строительство жилых домов по новым проектам потребует иной технологии производства, а следовательно, и технической переоснастки существующих заводов железобетонных конструкций, домостроительных комбинатов. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Ответ. Да, это действительно так. Более того, увеличение объема полносборного домостроения потребует сооружения новых домостроительных комбинатов. Именно поэтому переход к строительству жилых домов по новым проектам будет осуществляться постепенно.

Уже ведется проектирование новых домостроительных предприятий и технологических линий для них, с учетом так называемой гибкой технологии производства. Она обеспечит выпуск широкой номенклатуры деталей для жилых домов различных типов, а также переход к производству новых типов домов без существенных затрат и изменений в технологических процессах. В настоящее время в стране действуют 320 домостроительных заводов. В новом пятилетии их количество увеличится почти на 100.

ВОПРОС. Не снижает ли индустриальный метод производства домов их качества?

Ответ. Нет. Заводское производство домов при соблюдении тех требований и условий, о которых я уже говорил, позволяет строить дома хорошие и разные. А технико-экономический эффект огромен. Значительное количество процессов переносится в более благоприятные заводские условия, повышается заводская готовность и качество деталей, резко сокращаются затраты труда, снижается общая стоимость строительства. Примеров тому много.

В заключение я хотел бы сказать, что намеченные меры по улучшению качества жилищно-гражданского строительства, по увеличению его объема находятся в прямой связи с решением главной задачи новой пятилетки: обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни нашего народа.

МАСТЕР УРАЛЬСКОЙ КУЗНИЦЫ

Писателю, главному редактору журнала «Урал» Вадиму Кузьмичу Очеретину, героем произведений которого стал его величество рабочий класс, исполняется пятьдесят лет.

Вадим Очеретин принадлежит к тому поколению литераторов, первые книги которого были продиктованы героическими событиями военного времени, но которое по душевному складу и сути своей так и осталось сугубо мирным поколением.

Примечательно, что почти весь его самостоятельный жизненный путь накрепко связан с Уралом. И, наверное, наша всесоюзная кузница с самого начала дает такую закалку, что уральскую марку характера человек сохраняет на всю жизнь — и в труде и в творческом деле. Первую повесть, «Я твой, Родина», Вадим Очеретин написал о войне, но героями ее стали, как и в последующих книгах, уральские рабочие, переквалифицировавшиеся на время по законам той поры в танкистов. Собственно, и здесь главным действующим лицом оказался рабочий класс, только сменивший спецовку на форму танковых экипажей.

И позже в романах уральского писателя герои не меняются — это опять-таки рабочие, однако занятые ныне единственным жизненно важным делом — мирным трудом. Правда, посвятив себя созиданию, они сохраняют характеры бойцов не только потому, что в большинстве случаев это люди огненной профессии — металлурги, но и потому, что по своему складу просто не могут мириться с помехами на своем генеральном пути, считая, что формалисты и бюрократы в силу душевного равнодушия и бесплодия мысли являются носителями «главного зла для государства». Против этого «главного зла» и направлено острие очеретинских романов, сами названия которых ни в коей мере не нейтральны: против косности и консерватизма борется «Первое дерзание» и во весь голос звучит «Сирена».

Духом романтики овеян труд сталеваров в романе В. Очеретина «Саламандра», который стал примечательным явлением в современной литературе о рабочем классе. Удивительно правдивые слова говорит в нем один из героев, имея в виду не только создание стали новой марки, но и самого человека: «Пойдешь на дело с пылким сердцем, от великой любви, от задора... можно такой булат отковать, что хоть луну ковыряй, хоть звезды прикалачивай — выдюжит...» С каждым новым выступлением в литературе произведения уральского писателя обретают все большую прочность, словно бы закаляются в горниле здешних знаменитых заводов.

Помнится, на одном из всеуральских совещаний писателей В. К. Очеретин говорил о литераторах, разрабатывающих рабочую тему, следующее:

— Писатель, обращенный всем своим творчеством к рабочему классу, говорит о богатстве жизни, о гуманизме, о коммунистической морали, о правде действительности.

Думается, что эти справедливые слова можно отнести и творчеству самого Вадима Очеретина, который словно бы стал одним из известных мастеров уральской кузницы.

Олег ЗВЕРЕВ

ПРЕДСЕДАТЕЛ

Григорий ХОДЖЕР

РАССКАЗ

Он приехал неожиданно, раньше обещанного времени. Услышав о его приезде, Несульта забеспокоилась: она одна знала, зачем он приехал, забросив все свои важные, может быть, очень срочные дела. О важности его дел нечего было и толковать: он был большим начальником в районе.

Несульта гордилась им. Он и раньше довольно часто наведывался в стойбище, рассказывал о Советской власти, новой жизни, организовал тут колхоз.

В каждый его приезд они тайком встречались и проводили счастливые ночи на берегу Амура в лодке, где всегда, в любой туман, было сухо, и узкая лодка напоминала одноместные нары. Какие это были ночи! Несульта хотя и боялась отца, но всегда приходила на свидания. Только позже она поняла, что отец знал о ее встречах и помалкивал, то ли из-за боязни, то ли верил в честность молодого человека, надеясь заполучить начальствующего зятя.

А ей было все равно, начальник он, ее Андрей, или не начальник, она любила его — красивого и такого ласкового, такого умного и всезнающего, какого еще не встречала ни одна девушка в их стойбище.

Андрей был новый человек, с новыми, необычными для нанай взглядами на все происходящее, на жизнь, на женщин...

— Правда, нельзя бить женщин?— немного лукавя, спрашивала Несульта.

— Нельзя, законом запрещается,— серьезно отвечал Андрей.— Женщина — человек, не собака. Хороший хозяин и собак не станет бить.

— А если женщина в чем виновата?

— Объяснить надо...

— А если она так виновата, так виновата...

— Ну как?

— Так... С другим если...

— А-а, понял. Объясниться и решить, жить потом вместе или нет. Зачем бить?

Нет, так никто еще в их стойбище не рассуждал, и это было так ново, необычно. Все мужчины избивали виновных и невиновных жен, мужей приводили в сельсовет — это когда слишком жестоко избивали — да отпускали, упрекнув одним-двумя словами. Что мог сделать председатель сельсовета, когда частенько сам не миловал жену? Твердил он о новых законах, но сам не всегда исполнял требования этих законов.

А еще, может, это — самое главное, Андрей был грамотный, умел бегло читать и без помарок писать. Несульта удивлялась, как только он разглядывает слова в этих бесконечных крючочках и загогулинах, которые даже приблизительно на орнамент не походили. Несульта могла прочитать мысли подруги по вышитому ею орнаменту, но это очень трудное дело — читать чужие мысли. Как Андрей читает по этим крючкам чужие мысли, Несульта никак не могла понять.

— Учиться будешь,— говорил Андрей,— скоро все будут учиться, все будут грамотными. Без этого нельзя.

— И я тоже буду уметь читать и писать?

— Будешь. Разве ты хуже других?

— Другие тоже не умеют. В нашем стойбище никто не умеет читать и писать.

— Научатся. Обязательно научатся.

Вот эта его уверенность нравилась Несульте. Да, как ни говори, другого такого молодого охотника нет на амурской земле! Как влюблена в него Несульта! Ох как влюблена! И она одна знает, зачем он приехал нынче. Не будет он сегодня разговаривать ни с председателем сельсовета, ни с председателем колхоза, он сразу заявится к ее отцу и скажет: «Отдай дочь мне в жены, жениться по-старому мне некогда, долго слишком тянется женитьба, да и старые законы ушли, по-новому живем».

Так и скажет. Отец, конечно, сразу согласится, и Несульта станет женой Андрея, и тогда не надо будет прятаться от людей, и ни к чему будет лодка, хотя она всегда сухая и удобно в ней сидеть, прижавшись друг к другу.

Эти раздумья заставили Несульту немного взгрустнуть, ведь после замужества ей придется покинуть родное стойбище, родителей, подруг и, как ни смешно, сухую лодку, которая всегда будет напоминать ей о девичестве, о молодости.

Полдня не выходила Несульта из фанзы, все ждала суженого, любимого.

«Все-таки зашел к председателю,— с печалью, ревниво думала она,— все-таки дела его главнее женитьбы. Разлюбил, может быть... приехал-то вовсе по делам... Какая я дура!»

Андрей пришел к вечеру, заявил отцу Несульты приблизительно то, что она предугадывала, потом созвали гостей, попировали ночь, следующий день, оформили брак по всем советским законам в сельсовете, и молодые супруги уехали в районный центр, где в райисполкоме Андрей ведал кооперативными делами. Началась новая жизнь, беспокойная, быстротечная. Андрей часто уезжал в командировки по району, а район занимал чуть ли не половину среднего Амура. Несульта училась в ликбезе, готовилась стать матерью, новая ее жизнь теперь соизмерялась промежутками времени — ожиданием мужа из командировки, коротким счастливым житьем рядышком и опять долгим-долгим ожиданием встречи. После рождения сына появились новые заботы. К этому времени Андрея назначили инструктором райисполкома, через два года он занял пост председателя райисполкома вместо уехавшего в Ленинград, в институт народов Севера, Богдана Ходжера.

Несульта гордилась мужем.

— Ты теперь самый, самый главный в районе,— говорила она.— Я тебя так люблю.— Потом спохватывалась:— Тебя и сына.

— Мне бы учиться, родная, я же такой неграмотный,— с болью сознавался Андрей.— Мне бы тоже в Ленинград, в институт.

— Как неграмотный? Это ты неграмотный?— удивлялась Несульта.

— Да, я.

— Ты же все, все знаешь.

— Нет, не все. Мне надо много-много учиться.

Учиться Андрею не пришлось, вскоре он сам попросил, чтобы его освободили от должности председателя райисполкома, честно признался притом, что не может выполнять свои обязанности, как этого ему хотелось бы. Попросил он направить его председателем какого-нибудь отстающего колхоза.

Так Несульта вернулась в родное стойбище, к родителям, подругам — Андрея избрали председателем колхоза «Амур». Случилось это летом 1939 года.

На следующий день после возвращения Несульта встретилась с преследовавшим ее до замужества Борисом Деганом.

— Довольна?— спросил Борис.

— Чем?

— Вон какой начальницей была и упала до простой колхозницы.

Взыграла у Несульты гордость. Она ответила:

— Не простая колхозница, а председательша.— Ей самой показалось непонятным эта «председательша», и она добавила: — Жена председателя.

— Жена,— усмехнулся Борис.

— Не стала твоей женой и никогда не стала бы.

Борис долго ухаживал за Несультой, добивался ее любви, но строптивая девушка всегда отвечала насмешкой, а то просто начинала издеваться над ним. Потом у Бориса появился соперник Андрей, и Деган вынужден был признаться, что теперь ему уже не на что надеяться, лучше самому отойти в сторону, исчезнуть, чем быть изгнанным с позором. Борис все же преследовал тайком влюбленных, знал он обо всех их встречах, знал даже, в какой лодке они проводят ночи. Это было невыносимо горько...

— Я женился...— сказал Деган.

— Это хорошо.

— Дети есть, дочь и сын.

— Чего тогда опять за мной ходишь?

— Я не хожу, зачем? Случайно так...

— Не надо даже, чтобы и случайно.

— Что, мне на улицу не выходить?

— Ходи, мне-то что.

Несульта во всех подробностях рассказала мужу о встрече со своим «вздыхателем», как она выразилась.

— Председательша,— усмехнулся Андрей.— Зачем же так? Это же нехорошо. Высокомерие какое-то. Откуда?

— Ты недоволен?

— Ты ничем не лучше, не выше других.

— Это я, твоя жена? Не лучше других? Зачем тогда женился, если я не лучше других девушек?

— Ладно, лучше, только для меня одного самая лучшая,— засмеялся Андрей.— А так ты равная со всеми и не выставляй себя. Понимаешь, это не чин какой-нибудь быть женой председателя колхоза.

— Всю жизнь ты меня учишь, наставляешь...

— Сам учусь всю жизнь, а все не хватает знаний. Надо в Ленинград поехать.

С этой мыслью Андрей никогда не расставался, возможно, и на фронте, в великом сражении под Москвой, эта мечта не покидала его.

В десять часов утра в конторе колхоза «Амур» раздался телефонный звонок. Андрей поднял трубку и услышал голос военкома:

— Андрей, собирайся, бери, что требуется брать...

— Наконец-то, я же говорил тебе, обязательно буду там, а ты твердил что?

— Тогда нельзя было, теперь вот призывают. С тобой вместе должны быть...— Военком перечислил еще десять молодых

ЬША

Рисунок И. УШАКОВА.

колхозников, велел сегодня же прибыть в город Комсомольск к пяти часам вечера.

Несульта помнит каждую мелочь этого длинного-предлинного дня. Андрей, возбужденный, прибежал домой, велел приготовить белье, харчей на несколько дней, сказал, что призывают на фронт, и тут же побежал по селу извещать остальных призывников.

В слезах готовила Несульта прощальный обед. Вернулся Андрей, увидел ее в слезах, засмеялся.

— Тебе смешно...

— Нет, не смешно,— сразу посерьезнел Андрей.— Мало теперь чего смешного. Вон как прет он, к Москве подбирается, гад. А что мы без Москвы?

Несульта заплакала еще пуще.

— Как, как я без тебя?..

— Так же, как и все женщины... Перестань, не плачь, ты же председательша,— ловко нашелся Андрей и улыбнулся,— пример показывай. Если заревут все, что будет? Провожать в город не вздумай, мы вечерним пароходом, наверное, отправимся в Хабаровск. Может, на поезде поедем. Нечего там в городе делать.

Потом Несульта со всем селом провожала призывников. Андрей обнял ее, прижал к груди долговязого сына, окинул взглядом разросшееся село, где теперь не было ни одной глиняной фанзы, солдатский строй столбов с паутиной проводов, недостроенный большой клуб и поднялся на катер.

Несульта не плакала, она еще была председательшей, должна была подавать пример.

Опаздывали двое призывников — Борис Деган и Сергей Киле, они утром выехали проверять дальние сети и не знали о призыве. Когда Андрей поднялся на катер, их моторка подошла к берегу.

— Борис, Сергей, на фронт едем!— крикнул кто-то.

— Кто едет?— спросил Борис.

— Ты тоже едешь, перебирайся на катер. Сергей и ты.

Борис с Сергеем растерянно потоптались возле моторки, обняли стоявших тут жен, ребятишек, родителей и родственников и в чем были, не снимая рыбачьей робы, поднялись на катер.

Несульта стояла на берегу до тех пор, пока катер не скрылся за дальними тальниками, только вернувшись домой, разревелась неудержимо, тягостно.

— Мама, не плачь,— успокаивал ее девятилетний сын,— папа ушел фашистов бить, так надо. Я бы тоже пошел, да...

— Меня одну оставишь...

— Надо, мама, это же фашисты...

Поползли дни один тревожнее другого. Опаленная солнцем, в сумерках возвращалась домой усталая Несульта с колхозного поля, останавливалась у калитки и стояла в нерешительности перед фанерным почтовым ящиком.

— Нет писем,— раздавался голос сына.

Писем не было долгих десять дней. Потом, как первая ласточка, прилетело первое письмо. Он и впрямь походил на ласточку, этот солдатский треугольник. Несульта прижала письмо к сердцу, закрыла глаза.

— Дай я прочитаю,— попросил мальчик.

— Пополам — я половину, потом ты половину. Ладно?

Несульта читала по слогам, одно предложение перечитывала два-три раза. Андрей рассказывал, что его назначили политруком, в батальоне все его односельчане, и добавлял, что и здесь чувствует себя председателем колхоза. Находятся они на границе, японцы ведут себя очень нахально, может, даже начнут войну, но он, Андрей, уверен, что им дадут по зубам, как на Хасане, на Халхин-Голе.

«Война, всюду война,— думала Несульта,— всюду фронт».

Письма теперь приходили регулярно, в неделю одно письмо. А радио и газеты приносили известия все тревожнее и тревожнее — враг рвался к Москве.

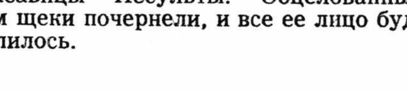
Вскоре пришло самое короткое письмо. «Едем на фронт»,— коротко сообщил Андрей и поставил дату — октябрь 1941 года.

Соседки Несульты тоже получили подобные известия от мужей. Тревога поселилась в каждом доме.

«Прибыли в Москву. Идем сразу в бой»,— писал Андрей в следующем письме.

...На Амуре наступила ранняя зима. Несульта организовала женскую рыболовецкую бригаду, ловили рыбу вентерями, ставными сетями, ангалками и обыкновенными махалками.

Ходила она теперь в Андреевых ватных брюках, полушубке, не узнать было хрупкой красавицы Несульты. Обцелованные морозом щеки почернели, и все ее лицо будто обуглилось.

«Москву не отдадим»,— клялся Андрей в каждом письме, которые приходили теперь с большими перерывами.

Черным вороном в село прилетела первая похоронка. Погиб Сергей Киле. Заголосила жена Сергея молоденькая Галина, замужем-то она, сердешная, была всего год, родила дочь после ухода мужа в армию. И уже вдова.

Несульта слушала каждое утро последние известия, сообщения Совинформбюро и с затаенным сердцем ожидала чего-то необыкновенного, она одна знала, чего ждет, не проговорилась даже сыну. Ждала она, когда по радио из Москвы назовут имя ее Андрея, сообщат о его подвиге, а подвиг он совершит, в этом уверена Несульта, иначе не может и быть. Чтобы ее Андрей да не совершил подвиг — этого никак не могло быть!

Ждала она еще победы. Верила она своему Андрею, верила, что он со своими земляками отстоит Москву, потому каждое утро ждала сообщения о его победе.

Сама изумлялась, почему она думает, что Андрей один отбросит врага от Москвы, ведь воюет вся страна, весь народ, и грустно усмехалась — сердце женское таково, ничего не поделаешь.

И вот, наконец, она дождалась, радио принесло радостную весть: враг разбит под Москвой!

— Все, теперь скоро папа вернется с победой,— заявил сын.

«Хоть бы живой остался»,— думала Несульта.

Андрей писал часто, в самые тяжелые дни он говорил о победе, много рассказывал о своих земляках, восхищался их мужеством, передавал их женам и родственникам поклоны и каждый раз требовал, чтобы Несульта писала о колхозных делах, о здоровье того или иного колхозника — словом, чтобы сообщала все новости.

«О колхозе не беспокойся, о людях тоже,— писала в ответ Несульта,— в нас не стреляют, бомбы не бросают, чего беспокоишься? Все живы, здоровы, план выполняем, все фронту отдаем. Себя береги».

Ответа на это письмо Несульта не дождалась. Проходили дни — писем не было, иссяк их поток, как сохнет весенний ручеек под лучами жаркого солнца.

Еще больше почернела Несульта, но молчала и ждала. Ждала похоронку...

— Все равно папа с победой вернется,— твердил сын.

«Несмышленыш ты»,— горько думала Несульта и плакала без слез.

И вдруг — письмо! От него!

Несульта развернула солдатский треугольник дрожащей рукой, перед глазами запрыгали буквы, расплылись и расползлись по всему листку, по всей комнате.

— «Попали мы в окружение,— читал сын,— выходили небольшими группами. Со мной было двенадцать солдат, среди них не было ни одного нанай. Я растерял всех своих земляков, не знаю, где они. Несульта, сообщи быстрее, что знаешь. Если кто вышел из окружения, должен написать домой. Немедленно сообщай, где Саша Бельды, Кирилл Самар, Петр Дигор, Игнат Самар, Борис Деган?»

Андрей и в пекле войны оставался прежним Андреем, он больше всего беспокоился о других, о своих подчиненных. Несульта не могла ничего сообщить мужу: в селе давно не получали писем из-под Москвы.

«Как же так? Не могли они все погибнуть в окружении, кто-то обязательно выбрался из этого мешка. Ты что-то утаиваешь. Может, еще не выбрались? Родная, любимая, сообщай, что узнаешь. Они мне здесь стали родными братьями, понимаешь? Даже Деган. Он хороший человек, зря ты над ним насмехалась. Жду ответа».

— Что я могу тебе ответить, милый,— вслух рассуждала Несульта.— Из односельчан трое погибли, двое ранены, другие не пишут. Раньше ты много расспрашивал о колхозе, людях, беспокоился о сыне, обо мне, а теперь... Только о Дегане да других... Что говорю?— спохватилась она.— Вот дурочка! Голову совсем потеряла.

На следующий день писали ответ всей своей бригадой. Письмо получилось бодрое.

Андрей опять примолк — ни одного письма. В селе появились новые извещения: «Ваш муж... пропал без вести...» Такое извещение получила и жена Дегана.

— Как мог исчезнуть? Даже косточки не остались...— голосила женщина.— Не верю! Не верю!

— Правильно, не верь,— поддерживали ее сердобольные старушки.

К концу третьего года войны вернулся весь избитый, израненный Саша Бельды.

— На трех ногах,— улыбался он виновато,— да вот еще левая рука плетью...

— Вернулся, какой бы ни был, вернулся,— обнимали его родственники. Собрались тут всем селом, обступили фронтовика, слушали его рассказ. Потом робко, с затаенной надеждой расспрашивали женщины о своих мужьях, даже те, которые получили похоронки. Все еще надеялись молоденькие вдовушки на какое-то чудо.

— Под Москвой я растерял друзей,— с горечью говорил Саша,— прямо не везло мне, все сражаются, а я по госпиталям да по госпиталям. Другие годами в самом пекле войны — и ничего, царапины не получают, а мне все не везло.

После Саши Бельды в селе появился с орденом Славы и медалью «За отвагу» безногий Петр Дигор. И опять женщины расспрашивали о мужьях...

В самом конце войны возвратился пропавший без вести Борис Деган. Живой и невредимый, без единой царапинки, будто с неба свалился.

— Ты чего же не сообщал, что жив? — Набросилась на него обезумевшая от счастья жена.— Я все глаза исплакала, дети...

— Оттуда, где я был, не пишут,— угрюмо проговорил Деган.

— Где же был ты?

— В плену, в концлагере.

Затеплела слабым огоньком надежда у женщин: «А может, и мой? Вдруг тоже?..»

— Один я был, никого из нанай там не встречал,— оборвал последнюю ниточку надежды Деган,— в окружении в плен взяли, увезли куда-то на запад. Там и мучился... Им хорошо, они воевали, теперь бренчат орденами, а мне там...

— А кто виноват, что ты попал в плен?— разгневался Петр Дигор.— Наверно, добровольно сдался. Андрей вот сам вышел из окружения да солдат своих вывел...

— Андрей, Андрей... Что мне Андрей? Он коммунист, его все равно в плен не взяли бы, расстреляли. Что ему делать оставалось? До смерти воевать...

— Ты до смерти, конечно, не воевал?

— Сдавались другие, и я сдался. Выхода не было, потом я неграмотный, по-русски не понимаю.

— Я так думаю: ты подлец, Борис,— без злобы, словно раздумывая о чем-то, сказал Саша Бельды,— говоришь-то все подлое. По-твоему, нам было совсем сладко и легко на фронте, а тебе в концлагере труднее. Ты отсиделся там, цел, невредим вернулся, а нам, значит, совсем легко было... безногими, безрукими вернуться...

— Так знай, Борис, таких, как ты, расстреливали,— сказал Петр Дигор.

— Был я на фронте, тоже ордена...

— Ты был на фронте, да фашистам сам сдался. Люди настоящие бежали из плена, потом воевали в сто раз храбрее, а ты, наверно, и не пытался...

— Откуда знаешь? Может, сто раз пытался... Нам там досталось... Хуже собак держали, жрать не давали, били, истязали...

Один за другим мужчины покинули дом Дегана, остались одни женщины.

— Говорю, никого не встречал,— угрюмо отвечал он на вопросы женщин.

— Борис, когда Андрей вышел из окружения,— сказала Несульта,— спрашивал о тебе.

Деган злобно взглянул на некогда любимую женщину, усмешка скривила рот.

— Ты тоже хочешь, как эти фронтовики!..— Он вскочил и с каким-то садистским наслаждением продолжал:— Так слушай, Несульта, встретил я в Польше твоего Андр-рея! Не жди, не вернется он к тебе, там женщины не такие дурехи, как ты, там и жизнь не такая, как у нас. Я вернулся, жив вернулся, а он, хотя и живой, не вернется! У него жена там, ребенок. Вот так. Вышла бы за меня замуж, дождалась бы, а его не дождешься.

Несульту будто дубинкой ударили по голове, она оглохла, онемела и не помнила, как добралась до дома, как легла на кровать.

— Врет он, фашист!— услышала она далекий голос сына.— Наш папка в партизанах был, потом наступление началось, и ему некогда стало писать. Мама, не верь ему, он фашист, дезертир.

С этого дня Несульта замкнулась, стала неразговорчивой, нервной, все ей казалось, что показывают на нее женщины пальцами, мол, брошенная жена, за спиной хихикают — ушел живой муж на чужбину. Успокаивали ее подруги по бригаде, а Галина, жена погибшего Сергея Киле, собиралась выцарапать глаза Дегану.

Никому он не сознавался, что оклеветал своего председателя колхоза, боевого политрука Андрея Оненка. Глядя на постаревшую Несульту, злорадствовал: «Так тебе надо, издевалась надо мной в молодости, теперь моя очередь. Я-то тебя бью жестче, небось, в душе синяки кругами идут».

Деган знал, что кое-кто из односельчан поверил ему, возмездия, во всяком случае, он не ожидал. А какое может быть возмездие, если Андрей давным-давно где-то, по-видимому, погиб, исчез бесследно, может, снарядом в клочья разнесло, может, безымянным лежит в братской могиле.

Кончилась война, вернулись оставшиеся в живых солдаты. Несульта все ждала Андрея, ведь не получила она похоронки... Может, не врет этот Деган, на самом деле жив муж... Если жив, то, может, вернется, если не к ней, то к сыну... А может, родной Амур, который он так любил, потянет...

— Выходи за меня замуж,— теперь уже откровенно издевался Деган,— второй женой будешь. Правда, власти не разрешают, но ничего, как-нибудь... Молодая ты еще совсем.

Несульта молчала.

Писем она не получала, да и кто ей напишет, все свои жили рядом, дом к дому. Когда получила письмо из военкомата, удивилась, собралась быстро, поехала в город.

Новый военком, в орденах, торжественно читал какой-то документ, Несульта только слышала «посмертно награжден орденом Отечественной войны второй степени». Ей вручили орден, документы.

— Погиб он, да?— спросила она.

— Да. Награжден посмертно...— повторил военком.

Несульта не плакала, она давно уже выплакала все слезы. Вернувшись в родное село, она подошла к дому Дегана.

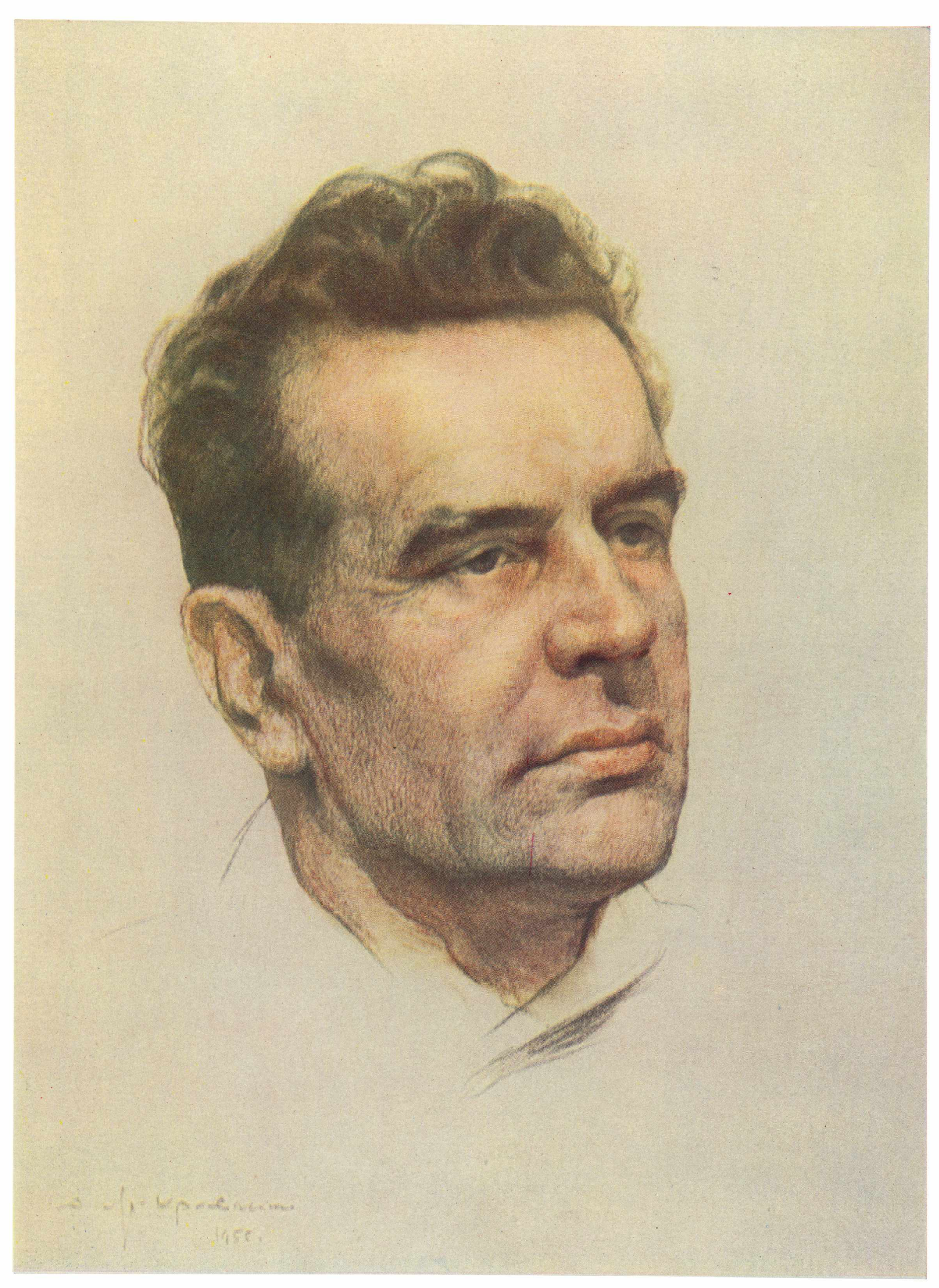
— Какие новости?— спросил случайно встретивший ее Петр Дигор.

Несульта не ответила, взялась было за ручку двери, но отдернула руку, будто ее током ударило, плюнула она на двери и тут только заплакала. Плакала она тихо, как умеют плакать только нанайские женщины.

Обступили Несульту односельчане, выглянул и Деган с женой. Петр прочитал документы, молча размахнулся костылем и ударил Дегана. Женщины плюнули под ноги ошеломленному Дегану, подхватили Несульту, повели домой.

С этого дня никто не здоровался с Деганом, женщины не разговаривали с его женой, дети не играли с его детьми. Не выдержал Деган всенародного презрения, сбежал. И никто в селе, даже жена с детьми не знали, куда он уехал, где проживает и чем занимается. Дети его, когда пришло время им получать паспорта, отреклись от фамилии Деган. Жена только разыскивала мужа. Узнала, наконец, живет Деган в дальнем леспромхозе, в глухой тайге, сторожит склад горючего и всякие механизмы и машины. Один живет.

Хабаровск.

А. Яр-Кравченко. ПИСАТЕЛЬ ФЕДОР ПАНФЕРОВ.

А. Яр-Кравченко. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ.

Ал. АЗАРОВ, Вл. КУДРЯВЦЕВ

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

РОМАН

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

13. НОЯБРЬ, 1942. ПАРИЖ, БУЛЬВАР ОСМАН, 24.

Время меняет человека, но еще больше меняют его заботы. Жак-Анри, вежливо позевывая и прикрывая рот платком, бегло и невнимательно осматривает полковника из организации Тодта, сидящего против него. Они не виделись с середины или конца июля, и за этот срок господин полковник похудел еще больше, странно усох, словно подточенный болезнью. От былой спортивности не осталось и следа.

Впрочем, для человека, нажившего фатальные неприятности, полковник держится неплохо. Щеки его выбриты и мягко лоснятся от питательного крема; пуговицы на мундире начищены; рубашка только что из прачечной. Если бы не траурные каемки под ногтями — о них полковник позабыл второпях,— то легко можно было бы поверить, что никакие заботы не волнуют представителя организации Тодта. Жак-Анри готов утверждать, что ни один мошенник, виденный им дотоле, не держался с таким достоинством и не выторговывал себе помилование так элегантно.

Жак-Анри прячет платок в нагрудный карман, расправляет концы, придавая им вид заячьего уха. Это занятие поглощает его целиком. По крайней мере полковник должен быть уверен, что это так. Покончив с платком и полюбовавшись им, он говорит:

— Все, что вы рассказали, превосходно! Но почему вы обратились именно ко мне?

— Он ваш служащий!

— Только до четырех пополудни, после чего мой секретарь превращается в частное лицо.

— Я мог бы, конечно, обратиться в полицию... даже в гестапо...

Жак-Анри не без труда изображает живейший интерес и сочувствие.

— Разумная мысль! Почему бы вам ее не осуществить?

Полковник молчит, а Жак-Анри, выдержав паузу, повторяет вопрос:

— Так почему же?

Он не ждет откровенности и поэтому продолжает сам:

— Грязная история, полковник! Не так ли?

Плечи полковника привычно распрямляются. Подбородок выдвигается вперед.

— Вы!..

— Продолжайте! Договаривайте: вы мерзкая французская свинья... Или что у вас там в запасе?.. Но при этом помните, что вы сами пришли к французской свинье и просите у нее помощи.

Полковник вяло машет рукой.

— Вы правы, Легран. Извините. К чему нам ссориться?

— Это не ссора, полковник. Хуже.

— Мы могли бы договориться.

— Сомневаюсь. Сколько вы должны моему секретарю?

— Тридцать тысяч пятьсот.

— Франков?

— Рейхсмарок.

— Для Парижа немного, жизнь здесь дорога и развлечения недешевы. Но в вашем возрасте люди обычно сами устанавливают разумный предел своим потребностям.

— Увы, я был неразумен! Вы парижанин, дорогой Легран!

— Допустим. Но зачем вы заменили цемент?

— Не понимаю...

— На казематах вала полагалось использовать портландский цемент; вы приказали брать местные марки — они менее прочны, но более дешевы...

— Абсурд!

— Отнюдь нет! Любая комиссия без труда установит этот факт.

— Берлин в курсе всего.

— Позвольте усомниться, полковник... Берлин уверен, что цемент именно портландский, вы сами подписали отчеты о закупках. Не угодно ли посмотреть копию?

— Откуда она у вас?

Жак-Анри пожимает плечами и отводит взгляд к окну. Ему становится скучно. То, что полковник вермахта оказался мошенником, набившим карман, нисколько его не радует. Общение с подлецами разъедает душу, как ржавчина. Временами нестерпимо хочется оказаться в обществе людей, не думающих о наживе, живущих в мире иных понятий и категорий.

— Мы уклонились от темы,— говорит Жак-Анри и устало трет переносицу.— Гестапо и французская полиция вам не помогут, так что оставим их в покое. За операцию с цементом в военное время полагается расстрел. Маленькие комбинации, заемные расписки, пьянство и разврат дадут следователям гестапо неплохой фон для главного обвинения. Сожалею, полковник...

— Господин Легран...

«Господин»? Что ж, это сдвиги! События развиваются достаточно банально. Кто хочет умирать в расцвете сил и в предвкушении дубовых листьев на петлицах?

— Предположим,— говорит Жак-Анри,— мой секретарь согласится забыть о займах. Предположим далее, что я умолчу о ваших похождениях с девицами. Ну, а цемент? О нем известно не только мне, но и строителям.

Полковник с надеждой выпрямляется в кресле.

— Ах, эти? Ну, с ними просто, есть много доступных средств...

— СД?.. Послушайте, полковник! Я коммерсант и, следовательно, не привык церемониться с деловыми конкурентами. Я торгуюсь за подряды, сбиваю цены, доказываю, что работаю лучше других. Словом, стремлюсь выжить за счет противников... Вы в данную минуту — тоже! Но какой ценой?.. О господи! Двести французских рабочих сложат головы, чтобы уцелела ваша голова, вот как обстоит дело? Поистине великолепный цинизм!

Так бывает: человек скручивает нервы в пружину; пружина сжимается все туже и туже, пока наконец не сорвется со стопора, приведя в действие неподвижные дотоле шестерни механизма. Нечто похожее происходит с Жаком-Анри. Он и в начале разговора не испытывал к полковнику особой жалости, был скорее равнодушен, считая, что с делом надо покончить, и как можно скорее. И только. Но теперь он едва владеет собой. Черт с ним, с возможным сотрудничеством, не лучше ли просто переслать документы в СД, и пусть гестапо само выбирает судьбу полковнику — расстрел или плаху по приговору «народного» трибунала.

— Мы не договоримся,— жестко говорит Жак-Анри и встает.

— Господин Легран!..

— Я уже сказал... Только не надо упоминать о жене и детях! Не думаю, чтобы вам удалось меня растрогать.

Губы полковника значительно бледнее лица — две тонкие выцветшие линии. Был человек — и нет человека. «Такова жизнь!» — говорят французы.

— Мой пост... Мое положение... Не спешите решать, господин Легран...

Лицо полковника двоится, троится в прищуренных глазах Жака-Анри. Десять, сто, легион полковников, идущих во главе своих частей. Дивизия за дивизией катится в пространство — может быть, на Восток, к Волге, к Кавказским предгорьям. Сгинет один, заменят новым из запаса, резерва, из многолюдной офицерской массы, ведущей своих солдат к самому сердцу России... Жак-Анри встряхивает головой, отгоняя видение.

— Ваше положение? Не представляю, что вы имеете в виду.

— Подряды,— говорит полковник.— И не только здесь! В Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии... Выгодные контракты!

— Я не так жаден.

— Речь идет о миллионах!

— Бог с ними.

— Но вы сами говорили о конкурентах! Я помогу вам обойти всех.

Жак-Анри делает вид, что колеблется.

— Не знаю... То, что вы предлагаете, возможно лишь в одном случае: если моя фирма будет располагать точной предварительной информацией о строительных сделках. И не только в Голландии или Норвегии, но и в Германии, России, везде, где действует Тодт. Иначе какой прок? Мне надо знать наверняка, где подряд окажется выгодным, а где нет... Сомневаюсь, чтобы вы могли так много!

Полковник пренебрежительно подергивает плечом.

— С моими связями! Что бы вас могло особенно заинтересовать?

— Россия.

— Мы мало что строим там.

— Сейчас!.. Дело идет к тому, что со временем Тодту найдется широкое применение. Не поверю, чтобы в штабах не принимали в расчет военную фортуну.

— Но почему Россия?

— Дешевые руки, минимум накладных расходов. Не мне вам объяснять.

— Вы просто Калиостро, господин Легран!

— Я что-нибудь угадал?

— Кое-что. Завтра я ознакомлю вас с одним проектом. Если он вам подойдет... На первых порах это будут опять бараки для саперов. Там, где вы их поставите, позднее возможны оборонительные сооружения. Размах будет колоссальным! Что вы на это скажете?

— Надо посмотреть. И, кстати, ваш процент?

— По-деловому? «Фифти-фифти».

— А мои французы?

— Это намек?

— Да, полковник. Где гарантии, что вы не отправите меня самого в гестапо?

— Я рискую большим: документы совершенно секретные.

— Слова... Если я решусь, то только тогда, когда заключу с вами письменное соглашение, где черным по белому будет сказано: вы по-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 18—22.

ставляете информацию, я плачу вам пятьдесят процентов с каждой успешной сделки.

Теперь колеблется полковник, но недолго — соблазн слишком велик.

— Хорошо,— говорит он и пытается изобразить улыбку.— Надеюсь, цемент забыт?

— Разумеется...

Не подавая руки, Жак-Анри провожает полковника до двери и, вернувшись, присаживается на подоконник. Это его любимая поза, привычная с детства. Несколько минут он сидит, бездумно вычерчивая на стекле длинный лошадиный профиль. Потом зовет Жюля.

— Что ты ему сказал? — с порога спрашивает Жюль.— На нем лица не было.

— Вот как? Очень жаль, у нашего нового компаньона должно быть всегда приличное лицо!

— Значит, плакали тридцать тысяч!

— Нисколько, они пошли на дело.

— Ты за этим меня звал?

— Нет, старина, конечно, нет... Это правда, что Рейнике в Париже?

— К сожалению.

— Хотел бы я знать, что ему нужно здесь?

— Попробуем выяснить. Тот наш парень на телефонной станции может иногда подключаться к линии и слушать домашние телефоны гестапо. Он знает немецкий.

— Рейнике живет в Булонском лесу?

— Пока не установил. А твой полковник не поможет нам?

— Он пригодится для другого.

Жюль щелкает пальцами.

— О-ля-ля, большие замыслы?

— Очень большие. Кажется, немцы проектируют на Востоке оборонительные рубежи. Это что-то новое... Завтра узнаю подробности.

— Полковник?

— Привыкай говорить: наш компаньон.

— Звучит многообещающе!

Смех Жюля заразителен — это смех человека, который ничего не делает наполовину; все — и горе, и радость, и тревогу — он принимает как свое личное, даже если они касаются другого. Без его дружбы Жаку-Анри было бы втрое трудней. Сейчас особенно. Абвер вовсю ведет охоту. 621-я рота радионаблюдения почти полностью перебралась в Париж, и в довершение всего как снег на голову из Берлина свалился штандартенфюрер Рейнике. Жак-Анри получил предупреждение о его приезде, но в известии нет ни слова о том, с какими планами прибыл штандартенфюрер и каковы его полномочия.

Жак-Анри жирно заштриховывает профиль на стекле.

— Не нравится мне все это.

— Почему?

— Интуиция, Жюль.

— Ты просто устал.

— Не то... Пора подумать о резервных группах. На всякий случай... Запроси Центр, может он дать нам трех-четырех радистов?

— Хорошо.

— И еще, передай Пьеру, чтобы был осторожен. Мне кажется, что немцы недолго будут церемониться с Петэном.

— У них все в порядке — у Пьера и Жаклин.

— В свое время мы с тобой считали, что и в Брюсселе все нормально.

— Я предупрежу.

— Десятого я еду в Марсель,— говорит Жак-Анри.

— Ты видел газеты?

— Да... Сталинград?..

— Центр просил нас...

— Знаю, Жюль. Мы делаем все, что можем.

— Почему мы не там?!

Жюль не ждет ответа. Тяжело ступая, идет к двери. Останавливается и поднимает к плечу крепко сжатый кулак.

— Но пасаран!

— Но пасаран! — откликается Жак-Анри и тоже сжимает кулак. Старый воинский сигнал, похожий на клятву и близкий обоим со времен Мадрида. Они иногда обмениваются им, прощаясь, если оба уверены, что их не подслушивают.

14. НОЯБРЬ, 1942. МАРСЕЛЬ, РЮ ЖАРДЕН, 17—21.

Все небо уже неделю будто налито свинцом, но дождей нет. Мейснер с утра надевает плащ, чтобы в середине дня снять его и таскать в портфеле. У него пониженное давление, и он чутко реагирует на погоду. Вчера пришлось израсходовать пятьдесят франков на врача — Мейснеру показалось, что сердце начинает пошаливать. Врач осмотрел его и ослушал, приложив ухо к мохнатой груди, и вместо рецепта посоветовал не злоупотреблять коньяком. Мейснер рассвирепел: он и раньше пил умеренно, а в Марселе не пропустил и рюмки. Француз, очевидно, угадал в нем по акценту немца и не упустил случая позидеваться. Эта шуточка дорого ему обойдется: Мейснер пометил в блокноте адрес врача и сообщил его ребятам из казарм Дуан. Ребята обещали не забыть и пожаловались, что Марсель кишмя кишит красными. Даже супрефект полиции ненадежен и при попустительстве бездельника префекта делает все что заблагорассудится. Казармы Дуан, где гестапо имеет филиал под вывеской группы Комиссии по перемирию, буквально лихорадит из-за отсутствия контакта с местной полицией.

Мейснер и сам невысокого мнения о полиции и старается иметь дело с жандармерией, куда Гаузнер дал ему рекомендательное письмо с подписями своей и штандартенфюрера Рейнике. В этом письме ни слова не говорится о сути миссии Мейснера и только содержится просьба оказывать ему содействие, но жандармский полковник оказался догадлив и в своей готовности услужить превзошел все мыслимые пределы. Он даже выдал Мейснеру три номерных знака на машины, не спросив, кому и зачем они нужны. Теперь автобусы с пеленгаторами, пришедшие в октябре своим ходом из Парижа, ползают по улицам Марселя, не привлекая внимания. Сам Мейснер ездит в маленьком «пежо» с брезентовым верхом. «Пежо» юрок и быстр и обладает одним недостатком: прежний владелец окрасил его в желтый цвет, и машина, где бы она ни появилась, тут же становится объектом любознательности зевак.

В удостоверении Мейснера сказано, что он является уполномоченным Комиссии по перемирию, и оно, словно сезам, открывает любые волшебные двери. В казармах Дуан его снабдили талонами на бензин, и Мейснер разъезжает, сколько требуется; в иные дни спидометр «пежо» наматывает до трехсот километров. Переговоры, которые Мейснер ведет с самыми различными людьми, требуют дипломатической гибкости и мобильности. Легче всего договариваться со старыми осведомителями политической полиции, чьи адреса даны все тем же предупредительным полковником. С ними Мейснер не церемонится, зная, что все дело в цене. Франков ему не жаль.

Операторы пеленгоавтобусов живут в казарме, в служебном помещении группы. Мейснер одно время квартировал там же, пока обстоятельства не заставили его перебраться в частный пансион на рю Жарден. Собственно, Рейнике с самого начала предусмотрел такой вариант, и Мейснер жалеет, что воспользовался им только сейчас.

Они разработали план в Париже — в общих чертах, конечно, но уже тогда штандартенфюрер считал, что Мейснеру рано или поздно придется заинтересоваться пансионом мадам Бельфор. Так же думал и Гаузнер, копавшийся в архивных материалах по делу Фландена-Родина. Гаузнер столько часов проводил среди досье, что его мундир пропитался пылью и кислятиной, а кончики пальцев посерели от постоянного перелистывания бумаг. Лишь однажды Рейнике привлек его к живому делу, когда пограничная стража передала СД старого контрабандиста по кличке Коко, взятого при нелегальном переходе линии перемирия. Коко пробирался в Марсель, и у него на дне мешочка с дефицитным кофе обнаружили письмо, адресованное некоей Лили-Симоне Мартен и подписанное «твои папа и мама». Настораживал обратный адрес в Париже, хорошо известный гестапо и французской полиции: по нему проживали родители той самой девицы, которая обвела Гаузнера вокруг пальца в Брюсселе. В сентябре гестапо опоздало с арестом: девица — ее звали Жаклин — скрылась, и родители якобы ничего не знали о месте ее пребывания. Рейнике поручил Гаузнеру допросить Коко, и Гаузнер вылез из своего архива и взялся за дело.

Допрос длился девять часов без перерыва. Коко дважды терял сознание, но клялся, что не имеет отношения к подполью. Он профессиональный контрабандист и далек от политики.

— А письмо? — спросил Рейнике.

Коко, рыдая, давился кровью — Гаузнер проломил ему переносицу.

— О пресвятая дева!.. Мне заплатили, и я понес.

— Кто?

— Он нашел меня в кабачке... Сам нашел, клянусь! Пообещал двести франков, если я передам.

— Это первое письмо?

Коко заколебался, и Гаузнер взялся за него вновь. Им пришлось из-за этого сделать маленький перерыв: врач не сразу привел Коко в чувство. Рейнике, морщась, посоветовал Гаузнеру не усердствовать. Гаузнер недовольно пожал плечами и спросил Коко:

— Сколько было писем?

— Два. Клянусь детьми, только два! Это второе...

— А где первое?

— Я передал его мадемуазель.

— Опиши ее!

Коко втянул голову в плечи.

— Она не из маки... Такие в маки не идут...

— Нам лучше знать,— сказал Гаузнер и двумя пальцами приподнял подбородок Коко.— Поторопись, малыш!

Описание Коко совпадало с приметами Жаклин, разница была только в цвете волос, но у Рейнике не мелькало и тени сомнения в том, что они вышли на след. Отец Жаклин, связавшись с Коко, оказал тем самым СД неоценимую услугу.

— Вот что значат родительские чувства,— сказал Рейнике.— Стадность присуща всем неполноценным расам. Пример перед вами, Мейснер. Делайте выводы.

Мейснер деликатно склонил пробор.

— Понимаю, штандартенфюрер!

— Мы, немцы, тем и сильны, что свободны от предрассудков. Фюрер требует от нас одной любви и одной преданности — национал-социализму. Помните об этом, Мейснер, и вы никогда не ошибетесь!

Коко отправили в тюрьму Сантэ. Гаузнер на прощание влепил ему пару крепких затрещин и вернулся в архив. Рейнике распорядился ни в коем случае не арестовывать родителей Жаклин и установить за их домом наблюдение. Девица, по всей видимости, укрывалась в Марселе, адреса ее Коко не знал, утверждал, что она сама встречала его в прошлый раз на вокзале. Странным казалось, что письмо не было отправлено обычной почтой, но Рейнике нашел этому правдоподобное объяснение: скорее всего Жаклин и ее родители действовали на свой страх и риск, без ведома тех, кому Жаклин подчинялась. Может быть даже, они не хотели, чтобы эти люди знали об их переписке. В практике не встречались случаи, когда бы русская разведка прибегала к услугам контрабандистов.

Думая о русских, Мейснер всегда отчетливо ощущает запах пота и сивухи, реально возникающий вместе с образом бородатого мужика... Россия... Если отбросить миф о загадочной славянской душе, то что остается? Орда, захватившая громадное жизненное пространство, безграмотная и некультурная, фанатически приверженная постыдной идее стадного благополучия. За эту идею они, по слухам, ложатся под танки у себя в России, пытаясь остановить продвижение самой культурной и самой великой армии в мире. Эта же идея заставляет русских разведчиков умирать где-то во Франции или Бельгии и с верой дикарей считать, что они хоть на минуту замедлят продвижение тех, кому фюрером и историей предопределено властвовать на планете. Именно дикарские, низменные начала, по мнению Мейснера, оказывают русским дурную услугу. Этому народу определено было стать народом-слугой при германской расе; он предпочитает вымирание на полях войны и тем помогает немцам: жизненное пространство будет полностью очищено от людского навоза, и завтрашние поколения германцев получат его свободным. Усилия русской разведки здесь, в Западной Европе, Мейснер тоже относит за счет неполноценности славянской души и интеллекта. Цивилизованный человек давно бы разоружился и приспособился к обстановке. В конечном счете, договорись русские разведчики с победителями, их охотно использовали бы против англичан. Это сохранило бы им право на жизнь во всемирном Третьем райхе... Вместо этого что они делают? Обреченные, отрезанные от своего племени, пытаются отсрочить час победы германского оружия. Что ж, «каждому — свое» — так, кажется, написано над вратами Дахау?

В Марселе Мейснер чувствует себя великолепно. Денег у него достаточно, а Рейнике из Парижа не в силах следить за каждым шагом и словом, чтобы поминутно одергивать и наздать. Радиооператоры, подчиненные Мейснеру, трепещут при любом его взгляде: он очень быстро сумел внушить им мысль, что только он, а не оставшиеся в Париже Модель или Шустер играет первую скрипку.

В полной мере смену власти испытал на себе любимчик Моделя штаб-ефрейтор, кичившийся своим университетским образованием. Мейснер нашел, что он недостаточно почтителен, и передал его ребятам из казармы Дуан. После беседы с ними штаб-ефрейтор сделался шелковым и по собственной инициативе целую неделю чистил туфли Мейснера, когда тот еще жил в казарме. Мейснер оценил его рвение и приблизил к себе, назначив шофером на «пежо» и освободив от работы на пеленгаторе. Выбор оказался удачным: штаб-ефрейтор бегло болтает по-французски, не без изящества носит штатское платье и чувствует себя как рыба в воде среди марсельских красоток. Сам Мейснер с трудом привыкает к гражданскому костюму; все время так и тянет посмотреть на плечо, где был серебряный погон, а брюки навыпуск непривычно удлиняют ноги, и Мейснеру кажется, что он похож на жирафа. Поэтому он горбится, стараясь уменьшить рост, и сходство с жирафом, как ни странно, увеличивается...

Рабочий день Мейснера уплотнен до предела. Три его пеленгатора, не останавливаясь без надобности ни на час, ползут по городу, слушая волну 19,2. На ней еще в Париже удалось засечь передатчик с позывными РТИкс — тогда только было неясно, на Марселе ли заканчиваются нити пеленга, или их надо протянуть куда-нибудь дальше. РТИкс выходит в эфир четыре раза в день и остается в нем не дольше пяти минут. За этот промежуток операторы едва успевают продвинуть автобусы на какую-нибудь сотню метров в направлении пеленга, и Мейснер бессилен ускорить их движение. Выговоры, раздаваемые направо и налево, подхлестывают операторов: при виде подъезжающего к автобусам «пежо» они усердствуют вовсю...

Мейснер и теперь был бы далек от цели, если б не вспомнил о предположении Рейнике, что пансион мадам Бельфор может оказаться как раз тем самым местом, где прячется РТИкс. Была ли это интуиция или дар предвидения,— Мейснер сейчас не задумывается над этим. Достаточно того, что штандартенфюрер оказался прав, а он, Мейснер, выглядит глупцом со своими возражениями. Мейснер старается не вспоминать, с какой горячностью доказывал в Париже Гаузнеру, что после бегства Фландена только маньяк рискнет вторично обосноваться под кровлей пансиона на рю Жарден. Гаузнер тогда высмеял его при Рейнике, сказав:

— Вы слишком европеец, Отто, чтобы разбираться в азиатских хитростях. Это не комплимент. О нет!

Рейнике с трудом помирил их, ибо Мейснер не упустил случая напомнить о визите Жаклин на виллу в Брюсселе, а Гаузнер зло посмеялся над контрразведчиком, забывающим, что в конце передачи радист пользуется аварийным сигналом, если ему грозит арест. С этой минуты Гаузнер нажил себе в лице Мейснера смертельного врага.

Сейчас Мейснер, к сожалению, вынужден признаться: Рейнике и Гаузнер были правы.

Комнату в пансионе Мейснер получил без труда. Мадам позвонили из казармы Дуан — и сотрудник комиссии по перемирию занял отделанную, как бонбоньерка, спальню на втором этаже. Мейснер, поцеловав мадам руку, разразился длинным комплиментом и выслушал в ответ учтивую фразу о том, что человек, прибывший в Марсель с благородной целью дать мир измученной Франции,— желанный гость под любым кровом. Это не помешало мадам, не моргнув, запросить за комнату столько, сколько в Париже Мейснер уплатил бы за целый этаж в отеле. Сотрудники гестапо из казармы Дуан не ошибались: в Марселе никто не пылал любовью к немцам, даже если они не носили формы.

Дом на рю Жарден, 21, был точкой в преде-

лах треугольника, построенного на карте города по данным пеленгаторов. Обосновываясь здесь, Мейснер думал о нем не больше, чем о любой иной точке, и не испытывал трепета, включая в первый вечер прибор для обнаружения магнитосилового поля. Было бы сверхъестественной удачей, если б оказалось, что передатчик работает именно отсюда. Гониометр, замаскированный в чемоданчике, был чувствителен, как компас, и Мейснер, обнаружив всплеск на экране, посчитал его сначала следом от чего угодно, но не от рации; однако всплеск был слишком ярок и постоянен, и, глядя на него, Мейснер постепенно поверил, что родился в чепчике и сорочке. Рация находилась здесь, совсем рядом, может быть, в нескольких шагах! Держа чемоданчик в руках, Мейснер на цыпочках выглянул в коридор. Всплеск на экране дрогнул, увеличился в размерах: РТИкс заявлял о себе в полный голос.

Передатчик был в комнате напротив.

У Мейснера хватило выдержки не вломиться в чужой номер и вернуться к себе. В 21.37 всплеск угас. Он возник на следующее утро и появлялся еще трижды, как раз в те часы и минуты, которыми пользовался обычно РТИкс. Но между вечером и утром была ночь, и в продолжение ее Мейснер метался по своей комнате. Будь он в Париже, радист уже сидел бы в гестапо и давал показания. Проклятая «свободная зона»! Трижды проклятые порядки, действующие на ней вопреки интересам великой Германии! Почему фюрер допускает существование дурацкого правительства в Виши, хотя и находящегося под германским контролем, но играющего в самостоятельность?! Рейнике предостерегал, чтобы Мейснер не лез на рожон. Виши-де поддерживает дипломатические отношения с доброй половиной стран мира и ревниво относится к своему «суверенитету». Мейснеру с высокого дерева плевать и на весь мир и на суверенитет, но приказ Рейнике равносилен закону... Лежа на шикарной кровати под балдахином, Мейснер с удовлетворением пачкал ботинками стеганое атласное одеяло — это было крохотной данью чувствам, которые он испытывал в ту ночь.

За завтраком Мейснер приглядывался к жильцам, ища того, кто жил напротив, и напрасно — господин Пьер (так назвала его горничная), художник из Нима, появился только к обеду. Завтракать он предпочел у себя. Мейснер отметил, что у него серое лицо и глаза с неестественным блеском. Вместе с господином Пьером место за столом заняла рослая девушка, довольно хорошенькая, чуть полноватая, лицо которой показалось Мейснеру знакомым. Этот прямой подбородок, укороченная бровь — где он их видел?

Передавая девушке соусник, Мейснер еще раз скользнул взглядом по ее лицу. Нет, они не встречались, это точно; но откуда и как он знает ее?

Не дожидаясь десерта, господин Пьер встал. Пергаментной рукой взялся за спинку стула девушки.

— Не спешите, Лили, я подожду у себя.

Мейснер напрягся: Лили?! Комиссар Гаузнер мог бы торжествовать в Париже: составленный им со слов мадам Ван-ден-Беер словесный портрет не расходился с оригиналом. Лили Мартен, она же Жаклин, связная между Парижем и Брюсселем, сидела с Мейснером за одним столом! Воистину это был дар судьбы...

За два последующих дня Мейснер поднял на ноги пол-Марселя. Свой триумф он готовил тщательно, с расчетливостью человека, бросившего на карту все. Агенты, приставленные им к Жаклин, были опытными, сотрудничали с политической полицией с довоенных времен. Гонорар, предложенный Мейснером, утроил их рвение, и Жаклин ни на миг не оставалась на улицах одна. О письмах, полученных ею в пяти различных почтовых отделениях, Мейснер узнал через полчаса, а еще полчаса спустя из окна аптеки любовался профилем Жаклин, входящей в пансион мадам Бельфор. Желтый «пежо» в это время ждал его у казармы Дуан: утром Мейснер предупредил мадам, что не вернется к обеду и что посыльные господина префекта найдут его в помещениях группы... Никто, даже операторы пеленгаторов, не были посвящены в дело. Мейснер не такой простак, чтобы другие воспользовались плодами его трудов и приписали заслуги себе. Штандартенфюрер Рейнике получит отчет только после ареста господина Пьера и Жаклин. До этой поры его соглядатаи будут продолжать ему доносить, что пеленгаторы ведут наблюдение за РТИксом и медленно двигаются в направлении передатчика.

Вдосталь полюбовавшись из окна аптеки на Жаклин и оценив все достоинства и недостатки ее фигуры, Мейснер на трамвае доехал до казармы и позвонил в Париж. Пожаловался Гаузнеру на дурную погоду и бессонницу. Гаузнер фыркнул что-то о детских нервах и дал отбой.

Плохая погода — единственное, что мешает полному счастью Мейснера. Гаузнер волен фыркать, у него нет гипотонии и связанного с ней отвратительного состояния разбитости. Интересно, как переносит осень господин Пьер со своим туберкулезом?.. Впрочем, болезни недолго будут обременять его: Мейснер позаботится, чтобы путь на небо для господина Пьера оказался как можно короче. Перед этим ему только придется рассказать о своих знакомствах — все до последней мелочи.

Сегодня с утра Мейснер договорился в полиции о приеме. Приходится соблюдать этикет и обусловливать время встреч по телефону. Сам префект полиции избегает общения под любыми предлогами, излюбленный из которых — совещания с портовыми, военными и иными властями. Всеми делами заправляет тот самый супрефект, чьи симпатии, по мнению ребят из казармы Дуан, отданы красным. Основанием для выводов послужило кратковременное участие супрефекта в администрации Народного фронта, и Мейснер не очень уверен в правоте коллег. Французский либерализм поверхностен и в основе своей не менее враждебен коммунизму, нежели былая германская социал-демократия. Отец Мейснера до тридцать второго года был исправным социал-демократом; сейчас во всем Эссене не сыщешь наци более твердого в убеждениях, чем он. Именно отец настоял, чтобы Отто, пройдя школу гитлерюгенд и Трудового фронта, вступил в СС и постарался попасть в СД. За вечерними беседами никто лучше отца не умел объяснить, почему каждый тельмановец заслуживает физического уничтожения. «Социал-демократы первыми вырыли могилу Тельману» — вот его слова.

Чиновник для поручений встречает Мейснера у подножия лестницы. На этот раз Мейснер с благодарностью думает о цвете своего «пежо»: из окна канцелярии его не спутаешь с другим.

— Супрефект счастлив видеть вас,— говорит чиновник за спиной Мейснера.— Он специально отложил поездку в порт...

По дороге в приемную он расхваливает Марсель словами аукциониста. Город, основанный греческими выходцами из Фокен за 600 лет до рождества Христова, в описании чиновника представляется Мейснеру вещью, которую он тут же, не сходя с места, может приобрести за сходную цену. «Что ни говори, но каждый француз — проститутка,— думает Мейснер, входя в кабинет.— Ни капли гордости!»

Под впечатлением болтовни чиновника Мейснер начинает беседу с супрефектом жестче, чем следовало бы. Тон его категоричен и не соответствует установившимся отношениям. Получается, что Мейснер чуть ли не приказывает марсельским властям арестовать радиста, ссылаясь на интересы Комиссии по перемирию.

Супрефект — сама любезность. Он только просит предъявить соответствующие полномочия. Но их у Мейснера нет.

— Весьма сожалею...

Губы супрефекта складываются грустным сердечком.

Мейснер встает, нависая над столом.

— Как прикажете понимать вас, месье?

— Мы во Франции, мой друг. Здесь французские законы и юрисдикция правительства Виши.

— Но интересы общие!

— Бесспорно... Однако методы... Я не хочу бросить тень на германское правосудие, о нет! Но прошу понять меня: французское уголовное право не принимает технические средства и их продукт как доказательство. Ваш прибор, по всей видимости, превосходен, но он нем. Ни вы, ни я не сумеем заставить его свидетельствовать о вине подозреваемого. Не так ли?

— Обыщите комнату, и вы найдете передатчик!

— Для этого нужен ордер.

— Выдайте его!

— А основание, мой друг? Где основание? Кто видел подозреваемого за запретным с точки зрения закона занятием?

— Я! И могу присягнуть!

Голос Мейснера тверд, когда он лжет.

— Сожалею, но полицейский суд учитывает только незаинтересованные свидетельства. Согласно праву, вы обвиняющая сторона... Другое дело, если бы я имел приказ Виши!

— Свяжитесь с ним!

— Непременно. Сегодня же курьером я отправлю запрос министру и в Комиссию по перемирию, и, как только ответ придет, полиция полностью предоставит себя в ваше распоряжение... Рюмочку коньяку? Вы позволите?..

Мейснер вертит в руках пресс-папье. Он с удовольствием проломил бы им супрефекту голову, но вместо этого спрашивает:

— Когда придет ответ?

— Через пять — семь дней, учитывая экстраординарность дела... О, почему вы не обратились ко мне раньше? Ордер был бы уже в ваших руках!

«Еще бы,— думает Мейснер.— А господин Пьер той порой улетучился бы из Марселя вместе с красоткой Жаклин... Ордер я получу сегодня, не будь я Мейснер!.. В крайнем случае обойдусь и без него: жандармерия окажет помощь...»

Супрефект придвигает тонкую хрустальную рюмку к краю стола, посыпает сахаром дольки лимона. Не поднимая головы, говорит:

— Кстати, мой друг, во избежание скандала я буду вынужден дать указание жандармам держаться в стороне. Подозреваемый — известный художник, среди его друзей есть члены правительства. Я не могу рисковать. Вы понимаете мое положение? Вы сочувствуете мне?

Мейснер залпом выпивает рюмку. Это все, что он может сделать сейчас, чтобы француз не заметил, как глубоко ранено и унижено его достоинство офицера германской разведки. Коньяк мягко обжигает горло, и у Мейснера перехватывает дух.

— Пансион будет взят под наблюдение,— заверяет супрефект.— Еще одну рюмочку?

Мейснер отказывается. Поддерживая его под локоть, супрефект спускается к подъезду, заставляя Мейснера пережить унижение вторично: рядом с блестящим громадным «рено», ждущим кого-то у обочины тротуара, желтый «пежо» кажется особенно жалким... Из казармы Мейснер звонит на всякий случай в жандармерию, но чуда не происходит: полковник ссылается на только что полученный приказ.

— Я вас очень огорчил? — спрашивает он.

— Это я вас огорчу! И очень скоро! — говорит Мейснер и швыряет трубку на рычаг.

«На фонарь! Всех на фонарь! — думает он, шагая по кабинету.— Русских, французов — всех, всех...»

В пансион он возвращается поздней ночью, проделав безрезультатную попытку договориться по телефону с представителем гестапо при Комиссии по перемирию. В Виши, как видно, не понимают серьезности положения или чиновник, с которым связался Мейснер, оказался слишком глуп, но ответ был один: ждать, сколько надо.

— Сколько? День, год, столетие?!

Чиновник уклончив:

— Всему свое время.

— Я доложу штандартенфюреру Рейнике!

— А я обергруппенфюреру Мюллеру! — парирует чиновник.— Назовите вашу фамилию по буквам.

Только этого не хватает — нажить неприятности в гестапо. Там не любят назойливых. Мейснер вынужден извиниться и выслушать еще раз предложение ждать. До самой ночи, все еще не остыв, он инструктирует агентов, вызывая их по одному в свой кабинет. Агенты должны обложить оба пансиона мадам Бельфор так, чтобы в щель между ними не протиснулся и червяк. Во всяком случае, господин Пьер не должен ускользнуть.

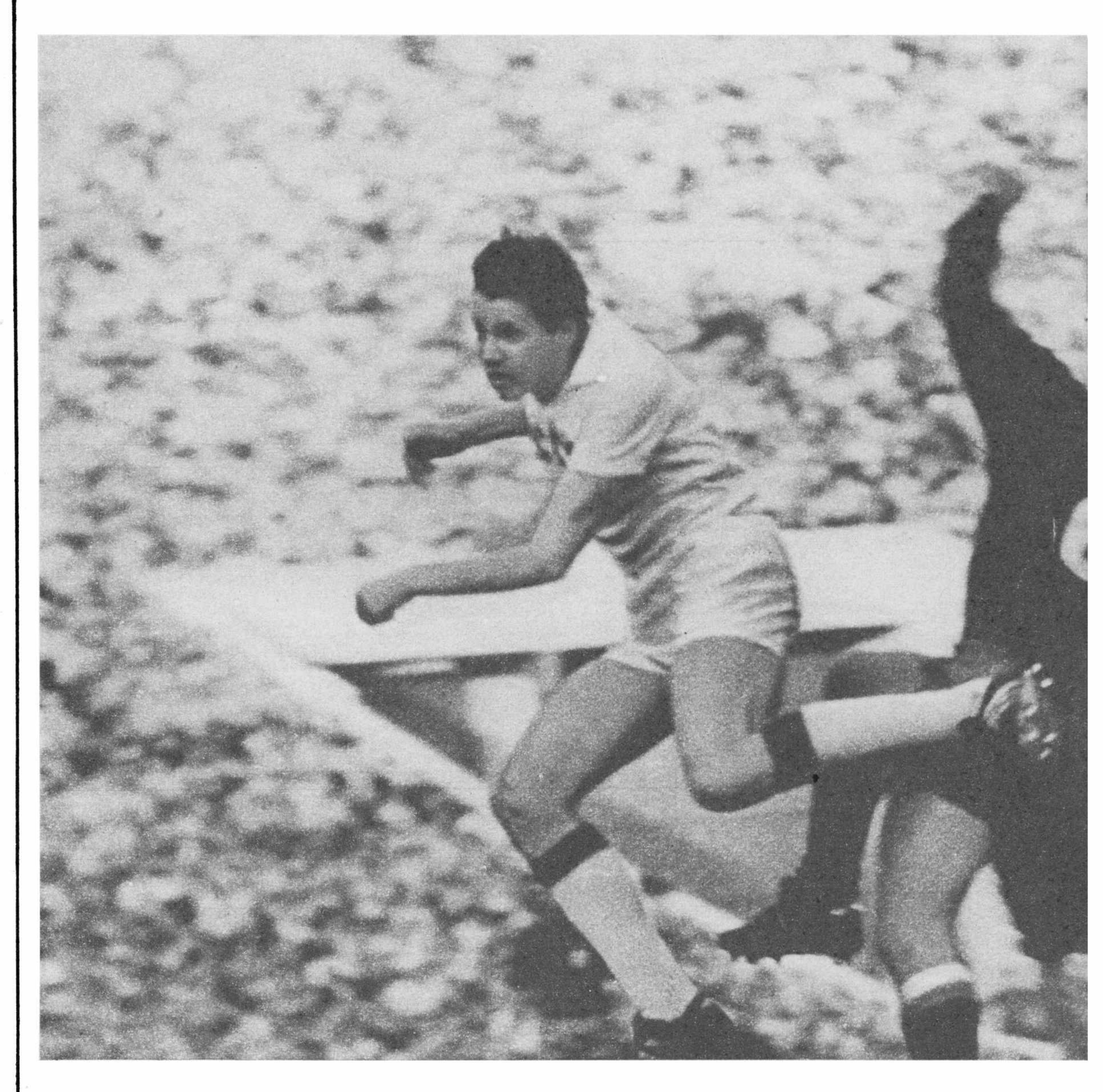
Кровать под балдахином безбрежна, как океан. Мейснер барахтается на ней, пачкая ботинками одеяло. Это уже второе одеяло, которое мадам Бельфор запишет ему в счет. Раздеться и снять ботинки у него нет ни сил, ни желания. Засыпает он под странный шум, идущий с окраин, и просыпается от него же, усиленного в десятки раз. Приподнявшись на локте, прислушивается, различая знакомый по Парижу лязг танковых гусениц. Мысль о высаженном англичанами десанте срывает его с постели и бросает к окну. Прижавшись к портьере и не зажигая огня, он всматривается в громыхающую темноту... Танки идут один за другим, устремляясь к морю, а не от него. Мейснер до предела напрягает зрение и различает на башне и борту замыкающего колонну танка смутные очертания имперского креста в белой рамке... Происходит то, на что намекал чиновник гестапо, предлагая ждать, сколько надо, и чего Мейснер, естественно, не имел возможности предусмотреть: в 24.00 одиннадцатого ноября германские войска начали операцию по оккупации «Зоны Виши». Эту новость привозит ликующий штаб-ефрейтор вместе с приказом Мейснеру немедленно явиться в казармы Дуан.

По улицам стелется серый рассвет. Мейснер приспускает в машине стекло и с наслаждением втягивает ноздрями терпкий запах перегоревшего дизельного топлива. Он свеж и бодр, и гипотония не дает знать о себе обычной вялостью.

В казармах, приняв поздравления коллег из гестапо и переодевшись в форму, Мейснер согласовывает с майором из фельджандармерии детали предстоящего ареста господина Пьера. Они возьмут его ровно в десять пятьдесят, по окончании утреннего радиосеанса.

Продолжение следует.

ВАЖНАЯ

ПОБЕДА

Испанская сборная считается главной соперницей нашей команды в IV отборочной подгруппе чемпионата Европы. Новый тренер Ладислао Кубала, взявший бразды правления в сборной после поражения, которое она потерпела от финских футболистов в отборочном матче мексиканского чемпионата мира, сумел сплотить команду и доказать ее боеспособность в десяти успешно проведенных играх.

Обратили на себя внимание две тренировочные игры со сборными Италии и Франции, которые испанские футболисты провели на высоком уровне. А их положение в подгруппе было вполне удовлетворительным после одержанных побед над командами Северной Ирландии и Кипра. Вот почему встреча со сборной СССР в Москве имела для команды Испании очень большое значение: в случае победы или ничьей она закрепляла свои позиции лидера.

Семь лет назад в Мадриде в матче со сборной Испании в борьбе за титул чемпионов Европы сборная СССР уступила хозяевам поля, проиграв матч со счетом 1 : 2. Теперь с таким же счетом проиграли испанцы в Москве.

Матч, вызвавший огромный интерес любителей футбола, долгое время проходил при счете 0 : 0, и его судьба была решена в течение последних одиннадцати минут, когда Виктор Колотов с подачи Гиви Нодия забил первый гол. Не успели стихнуть аплодисменты переполненного стадиона, как второй мяч после удара Виталия Шевченко снова оказался в воротах команды Испании. Затем Карлос Рексач отквитал один гол.

Теперь в подгруппе лидирует сборная СССР, набравшая четыре очка, но впереди у нее трудные игры со сборной командой Северной Ирландии и той же Испании, на сей раз на ее поле.

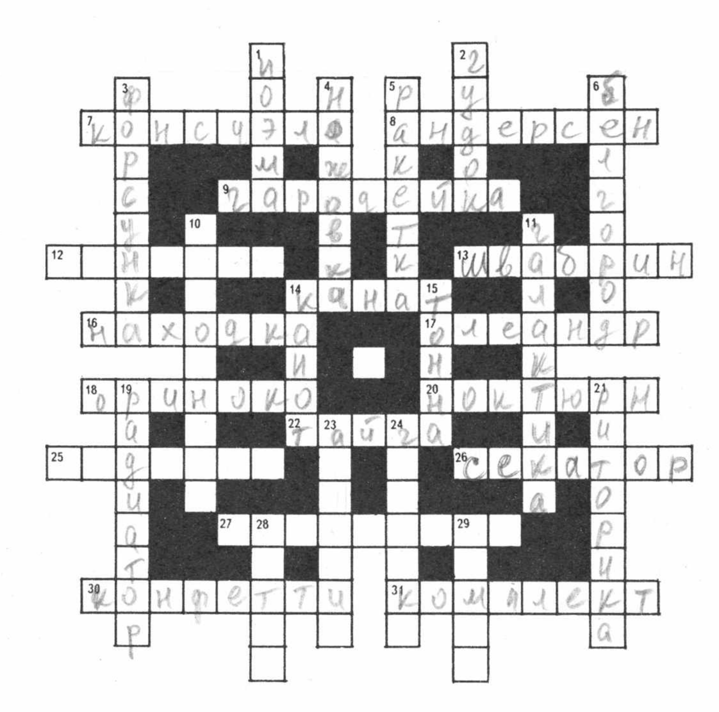
Виктор Колотов забивает первый гол.
Фото А. Бочинина.

ЯШИН ПОКИДАЕТ ВОРОТА

Сыгран последний матч, и Лев Яшин навсегда покинул свои ворота. Его прощальное выступление в составе сборной команды «Динамо» против команды «звезд» мирового футбола надолго запомнится всем, кому удалось стать свидетелем этого яркого, необычного футбольного спектакля.

Когда матч был завершен, Лев Яшин от души поблагодарил любителей футбола и организаторов праздника. Затем его подхватили на руки товарищи и под овации стадиона унесли с поля.

Прощай, стадион!..
Фото Л. Бородулина.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман Жорж Санд. 8. Датский писатель. 9. Опера П. И. Чайковского. 12. Остров в архипелаге Филиппин. 13. Персонаж повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». 14. Толстый трос. 16. Порт в Приморском крае. 17. Вечнозеленый кустарник или дерево. 18. Река в Южной Америке. 20. Музыкальная пьеса. 22. Обширные леса. 25. Судно специального назначения. 26. Садовые ножницы. 27. Материк. 30. Разноцветные бумажные кружочки. 31. Полный набор инструментов.

По вертикали: 1. Жанр стихотворного произведения. 2. Газета железнодорожников. 3. Устройство для распыливания жидкого топлива. 4. Ручная пила. 5. Спортивный инвентарь теннисиста. 6. Областной центр в РСФСР. 10. Картина И. М. Прянишникова. 11. Звездная система. 14. Откидная металлическая покрышка. 15. Метрическая мера веса. 19. Теплообменный аппарат. 21. Учение об ораторском искусстве и красноречии. 23. Наиболее яркая звезда в созвездии Орла. 24. Морская птица. 28. Трикотажная ткань с начесом. 29. Город в Турции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 7. Кама. 8. Шапорин. 9. Титр. 10. Таганрог. 11. Хабанера. 12. Паводок. 15. Жаров. 17. Галка. 18. «Псковитянка». 21. «Волга». 23. «Арион». 25. Стартер. 28. Цистерна. 29. Чернотал. 30. Морс. 31. Чигорин. 32. «Овод».
По вертикали: 1. Тарантас. 2. Рапалло. 3. Патока. 4. Фигаро. 5. Станица. 6. Открытка. 13. «Воевода». 14. Диктант. 16. Весна. 17. Гекла. 19. «Поединок». 20. Поплавок. 22. Гротеск. 24. «Рыболов». 26. Теннис. 27. Есенин.

На последней странице обложки: Лето в Ясной Поляне.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 18/V-71 г. А 00566. Подп. к печ. 1/VI-71 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1109. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1326.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ЯСНАЯ ПОЛЯ

У какого человека не забьется сердце, какую душу не охватит волнение, когда он, свернув от большой дороги несколько в сторону, окажется перед домом, к которому издавна прикованы взоры всех людей земли: здесь жил великий Толстой! Вот она какая, Ясная Поляна, столь любимая Толстым,— ничего громоздкого, массивного в этом доме, все скромно, не крикливо, не шумно,— много таких усадеб разбросано было по Руси. Много, но эта — единственная. Единственная потому, что здесь жил гениальный писатель земли русской, имя его гремело по всему миру, нравственная сила его была огромна, слово его звучало громовым набатом, зажигало сердца, обвиняло или возвышало, разрушало или созидало. Его называли совестью России. К нему шли и ехали со всех сторон искать правды, утешения, совета, помощи, ответа на вопрос: «Как дальше жить человеку?» Он был мудр и прост. Современники не представляли себе России без Толстого. К нему шли писатели и ученые, художники и артисты, крестьяне и рабочие, люди всех сословий и званий, и каждый уносил в себе животворную частицу излучаемого им тепла. Ему верили, с ним спорили, его многие любили, а некоторые ненавидели, его и боготворили и предавали анафеме. Он был граф, высокородный дворянин, принадлежал к сословию, на которое опиралась царская власть, но никто не страшился его более, чем русское самодержавие. Природа, как бы подчеркнув внутренние качества его души, придала ему черты народа, среди которого он жил, простые и несколько грубоватые. Репин о нем говорил: «вырубленный задорно топором». Горький восторженно писал о Толстом: «...нет человека более достойного имени гения, более сложного, противоречивого и во всем прекрасного». Чехов отзывался о нем так: «Когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором... Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени».

Более шестидесяти лет прошло с тех пор, как великий Толстой ушел из жизни, оплакиваемый Россией и всеми честными людьми мира. Дар, оставленный им своему народу, бесценен. Книги его, переведенные на все людские языки, читают с волнением и трепетом во всех концах земли. Они вечны, как вечен светлый гений Толстого.

И когда входишь в яснополянский дом и видишь эти комнаты, где ходил, разговаривал, писал, размышлял Толстой, видишь простую железную кровать, на которой он спал, скромные «венские» стулья, на которых рассаживалась его семья, кресло, в котором он любил отдыхать, два прекрасных рояля — его отдых и отрада, рабочий инструмент, которым он пользовался, то горячая волна подкатывает к горлу и кровь начинает сильнее пульсировать в жилах. И это непосредственное приобщение к жизни Великого пронзает душу. Вдруг покажется, что он жив, вот сейчас войдет, заговорит, но колесо времени не может покатиться вспять — нет Толстого.

Вот уже 50 лет, как здесь по инициативе В. И. Ленина постановлением ВЦИК от 10 июня 1921 года создан музей, призванный со-

НА

хранить в наибольшей полноте память о гениальном писателе России. Здесь всегда толпится народ, слышатся человеческие голоса — жизнь и кипение ее неостановимы.

Все, каждая мелочь, оберегается в музее с великим тщанием. И людские потоки текут здесь не прерываясь. И в этом их движении — бесконечная любовь народа к своему Толстому, память о котором нетленна.

И шумят ветры над яснополянским парком, над его старинными кронами, и склоняются люди, снимая шапки над могилой Толстого — такой скромной и такой величественной в своей скромности. А кругом поля, луга, русская ширь, неяркие и прелестные в своей неброскости краски русской природы.

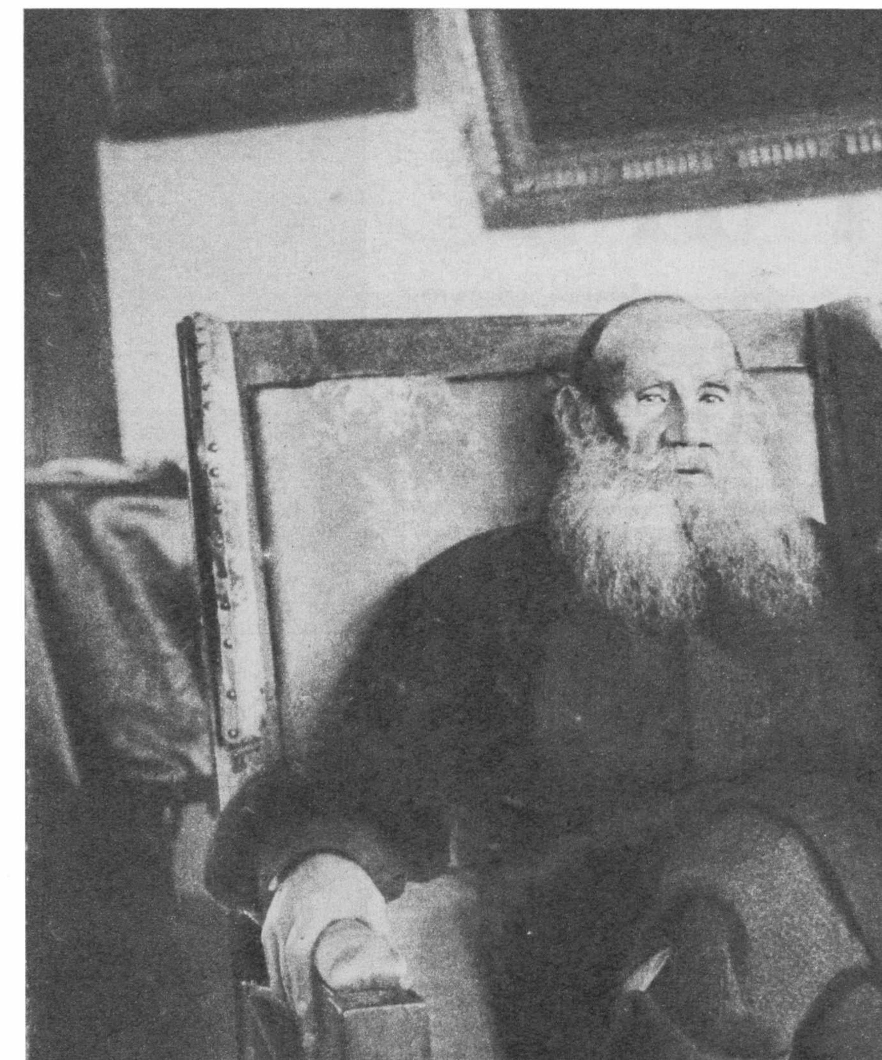
Ник. КРУЖКОВ

1907 год. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова.

Л. Н. Толстой и А. М. Горький в яснополянском парке. 1900 год. Фотография С. А. Толстой.

Крестьянские дети. Ясная Поляна. Фотография В. Г. Черткова начала 1900-х годов.

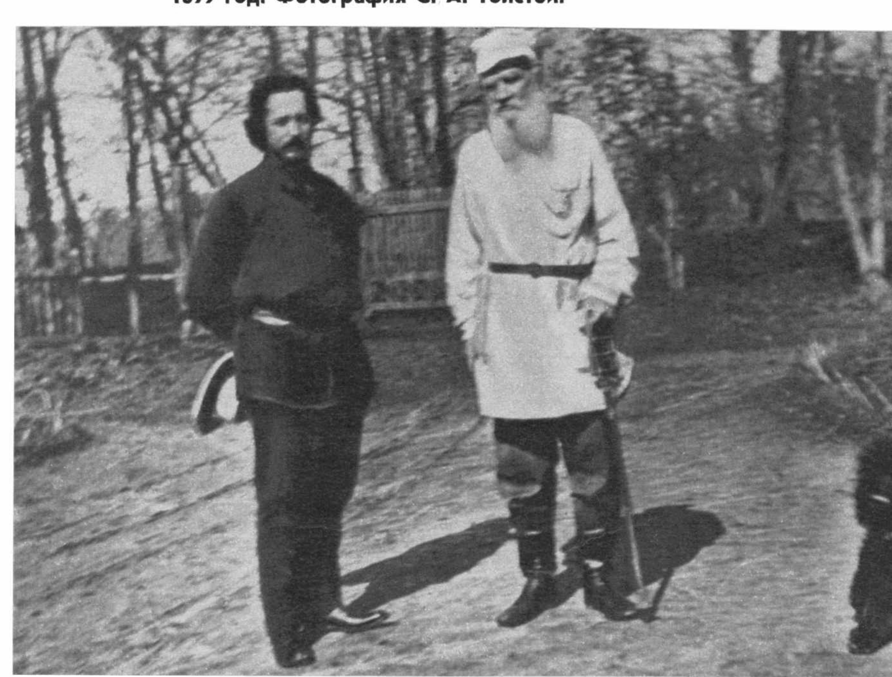
И. Я. Гинцбург, В. В. Стасов, Л. Н. Толстой и С. А. Толстая. Ясная Поляна. 1900 год.

Л. Н. Толстой и П. П. Трубецкой в яснополянском парке. 1899 год. Фотография С. А. Толстой.

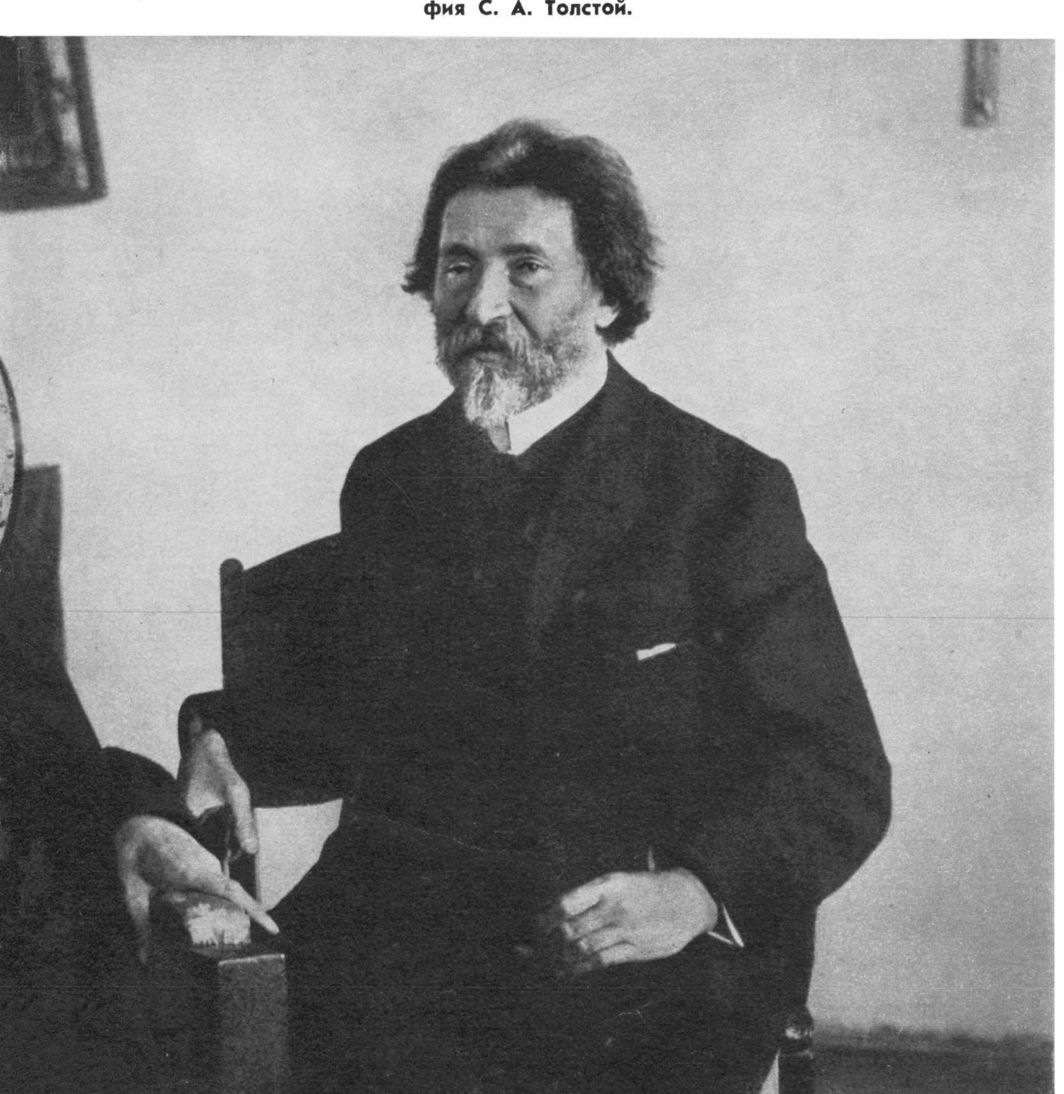
Л. Н. Толстой и И. И. Мечников едут из Ясной Поляны в Телятинки к В. Г. Черткову. 1909 год. Фотография С. Г. Смирнова.

Л. Н. Толстой и Леонид Андреев. Ясная Поляна. 1910 год. Фотография В. Ф. Булгакова.

Л. Н. Толстой и И. Е. Репин в зале яснополянского дома. 1908 год. Фотография С. А. Толстой.

Константин Федин в Ясной Поляне. 1940 год.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.

